ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 24 (2897) Суббота, 23 февраля 1952 г. Цена 40 коп.

Защитница мира и созидания

Сегодня советский народ и его Вооруженные Силы отмечают День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Созданная Лениным и Сталиным, наша армия возвестила миру о своем рождении 23 февраля 1918 года первой победой над германскими захватчиками под Нарвой и Псковом. С того времени более трети века наша армия, первая в истории армия, созданная не для нападения, а для защиты Родины, с честью выполняет свой долг перед народом.

Вся история Советской Армии является живым примером героизма, беззаветного служения Родине и доблестного выполнения своего воинского долга. На долю ее выпало немало тяжких испытаний. Молодой, еще не окрепшей, она приняла удары соединенных сил английских, французских, американских, японских и прочих интервентов и буржуазно-помещичьей белогвардейской контрреволюции. Четырнадцать буржуазных государств напали на молодую республику Советов, рассчитывая задушить ее. Враги наседали с севера и с юга, с востока и с запада. На Дальнем Востоке и в Сибири, в Архангельске и в Баку интервенты железом и кровью пытались сломить волю трудящихся, впервые в истории свергнувших иго эксплуататоров.

Молодая армия страны Советов наголову разбила интервентов и белогвардейцев, отстояла завоевания Октября. «...Весь мир знает, — писал товарищ Сталин, — что **и английские интервенты и их союзники были с позором выброшены из пределов страны нашей победоносной армией.**

Не мешало бы помнить об этом господам поджигателям новой войны».

Отбив первое военное нападение империалистов, наша армия обеспечила советскому народу возможность мирного строительства, мирного созидательного труда.

Самым грозным испытанием, выпавшим на долю нашей армии, явилась война с немецко-фашистскими захватчиками. Многомиллионная фашистская орда наводила ужас на армии европейских государств. Советская Армия не дрогнула, когда фашистские полчища вероломно напали на нашу страну. В смертных бурях войны она, как сказочный богатырь, набиралась сил, крепла и закалялась: в сиянии ее штыков померк ореол непобедимости захватнической гитлеровской армии.

В войне с фашистскими захватчиками наша армия оказалась на высоте своих великих задач, показала себя верной и надежной защитницей интересов советского народа. Отбив второе военное нападение империалистов на нашу Родину, отстояв ее честь, свободу и независимость, наша армия спасла народы Европы и мировую цивилизацию от фашистских варваров, заслужила признательность всех свободолюбивых народов. Советские люди снова и снова убедились в том, что они смело могут положиться на свою армию.

Из четырехлетней тяжелой войны Советская Армия вышла первоклассной армией с высокими морально-боевыми качествами, имеющей вполне современное вооружение, опытный и закаленный командный состав. Она по праву стяжала себе славу армии героев. Мужество и умение ее воинов, искусство ее генералов и офицеров, полководческий гений ее вождя не имеют равных в истории.

Все народы нашей страны по праву гордятся своей армией, ее победами. Мы чтим священную память героев, павших смертью храбрых в боях за Отечество. Вечно сохранится в памяти народной чувство высокой признательности к верным сынам и дочерям Родины, отдавшим свою жизнь за свободу и счастье народа!

Выдающиеся победы советских войск, разгромивших фашистскую Германию и империалистическую Японию, объясняются прежде всего тем, что наша армия — поистине народная армия и защищает интересы народа; она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, армия братства между нациями нашей Родины; она воспитана в духе интернационализма, и ей чужды захватнические стремления.

Товарищ Сталин учит, что наша армия есть **«армия защиты мира и дружбы между народами всех стран. Она создана не для завоевания чужих стран, а для защиты границ Советской страны».**

Советский народ горячо любит свою армию и постоянно заботится об укреплении ее мощи. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас.

Источник побед, силы и могущества нашей армии — в крепости советского общественного и государственного строя.

Победы Советской Армии объясняются тем, что ее воспитывала и воспитывает партия Ленина—Сталина. Благодаря мудрой и гальновидной политике партии советский народ превратил нашу страну из отсталой в передовую, из аграрной в индустриальную: тем самым были созданы материальные возможности для победы над врагами. Партия воспитывала у советских воинов любовь к Родине, укрепляла их боевой дух, прививала бесстрашие и дисциплину. Воспитанная большевистской партией, Советская Армия являет всему миру пример мужества, бесстрашия, идейной непреклонности, великой нравственной силы.

Вся героическая история нашей армии неразрывно связана с именем великого вождя и полководца Генералиссимуса И. В. Сталина. Товарищ Сталин — вдохновитель и организатор важнейших побед Советской Армии, руководитель ее крупнейших стратегических операций. Беспримерные победы советских войск явились подлинным триумфом советской военной науки, созданной Сталиным. Полководческий гений Сталина, его железная воля обеспечили всемирно-исторические победы нашей армии.

34 года наша армия — на боевом посту. С любовью и гордостью смотрит советский народ на свое детище. Из многих стран мира идут к нашей армии волны народной любви. Благодарные народы в день Советской Армии выражают признательность за ее великий подвиг. Наша армия — близкий и дорогой друг трудящихся стран народной демократии. С радостью и ликованием встречали советских воинов-освободителей миллионы людей в Европе и Азии, избавленные от ига фашистских оккупантов. Миллионы людей, многие города и села были спасены от уничтожения благодаря стремительным действиям советских войск.

В советской литературе запечатлены многочисленные подвиги нашей армии и флота. Лучшие произведения наших писателей, вошедшие в золотой фонд советской литературы, ярко отображают героизм нашей армии, духовную красоту ее воинов. Эти книги служат могучим средством воспитания наших людей и, особенно, молодежи.

История нашей армии, ее героическая борьба всегда будет привлекать внимание художников, вдохновлять их на творчество. Тема эта — безгранична. Читатель ждет новых ярких произведений о нашей армии, и можно надеяться, что эти произведения будут созданы.

Советский народ вдохновенно строит светлое, величественное здание коммунизма. Во всех уголках нашей страны кипит животворящая созидательная работа. Советская держава стоит за мир. Ее мирные намерения достаточно ясны: она расширяет промышленность, развертывает строительство новых грандиозных гидростанций, каналов и оросительных систем — делает все, чтобы лучше, счастливее жилось советскому человеку.

«Весь мир, — указывал товарищ Сталин в 1946 году, — **имел возможность убедиться не только в могуществе Советского государства, но и в справедливом характере его политики, основанной на признании равноправия всех народов, на уважении их свободы и независимости. Нет никаких оснований сомневаться в том, что Советский Союз и впредь будет верен своей политике — политике мира и безопасности, политике равноправия и дружбы народов».**

Советская держава неутомимо борется за мир, против поджигателей новой войны. Последовательная борьба нашего народа за мир вдохновляет сотни миллионов сторонников мира во всех странах.

Несмотря на памятные уроки истории, агрессивные силы Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции жаждут новой мировой войны, которая нужна алчным миллиардерам и миллионерам.

Из лагеря империалистических поджигателей войны доносится все более наглое бряцанье оружием. Правящие круги США, охваченные бредовой идеей мирового господства, играют с огнем, проводят политику агрессии и развязывания новой мировой войны; они сколачивают агрессивные союзы и блоки, создают атмосферу военного психоза, усиливают гонку вооружений и увеличивают численность армий. В своей преступной политике они не брезгуют шантажем, запугиванием, диверсией и террором.

Советский народ зорко следит за происками поджигателей новой мировой войны и помнит о необходимости укреплять оборону Советского государства. Исторический опыт полностью подтвердил неоднократные указания И. В. Сталина, что страна социализма должна быть постоянно готова к отпору возможной агрессии империалистических держав. Наша Армия и Военно-Морской Флот стоят на страже мирного труда советского народа. Словами поэта воины нашей армии говорят:

Мы знаем — в мире снова
неспокойно,
Но воины Отечество хранят,
И нет на свете звания достойней,
Чем наше звание —
Сталинский солдат.

Все советские люди, все передовое человечество сегодня с радостью провозглашают здравицу в честь Советской Армии — защитницы мира и безопасности народов, в честь ее ветеранов и молодых солдат, в честь ее офицеров, генералов и маршалов, в честь Генералиссимуса И. В. Сталина, великого вождя и учителя, гениального полководца.

РЕПОРТАЖ С ВЕЛИКИХ СТРОЕК

Сердце Волго-Дона

Сердцем Волго-Донского водного пути называют строители Цимлянскую гидроэлектростанцию. Уже в этом году она даст энергию всем сооружениям канала, районам орошения и промышленным предприятиям.

Бетонные и общестроительные работы на ГЭС уже подходят к концу. Теперь успех всецело зависит от труда монтажников.

...Кругом полыхают вспышки электросварки. Заканчивается установка огромных лопастей на монтажном колесе первого гидроагрегата. Строители и монтажники ГЭС предложили развернуть соревнование за право подписи рапорта товарищу Сталину о выполнении почетного задания Родины и взяли на себя новые, повышенные обязательства. Они дали слово к 15 марта смонтировать, а к 10 апреля подготовить к сдаче в эксплуатацию гидроагрегат № 1, смонтировать к 10 апреля агрегат № 2, а к 10 мая — агрегат № 3, подготовить к сдаче в промышленную эксплуатацию второй агрегат к 30 апреля, а третий — к 15 мая. Все бетонные работы на строительстве станции и рыбоподъемника решено закончить к 15 марта, общестроительные — к 15 апреля, а наружную отделку и архитектурное оформление станции — к 1 мая.

И старые мастера, построившие десятки крупных электростанций, и молодые монтажники, недавно закончившие ремесленные училища, курсы и техникумы, трудятся с большим подъемом.

Комсомольско-молодежная бригада Леонида Скобы на установке кабельных конструкций и закладке специальных труб в тело железобетонной плотины опережает график в два раза. Новаторы изыскивают все новые пути для ускорения работ. Молодые электрослесари внесли десятки рационализаторских предложений. Одно из них — комсомольца Ивана Межуева — в несколько раз увеличило скорость гнутья труб, а металлическая вилка с длинным рычагом, предложенная Владимиром Дубовым, позволила значительно ускорить разбортовку труб перед укладкой их в тело плотины.

Свои обязательства строители и монтажники выполнят в срок. Скоро Цимлянская гидроэлектростанция даст электрическую энергию.

НОВО-СОЛЕНОВСКИЙ. (Наш корр.)

У горы Могутовой

В Жигулях стоят ясные, солнечные дни. Кое-где появляются прогалины. Весна скоро придет и сюда, на берега замерзшей Волги, к горе Могутовой. Близкий паводок, до начала которого осталось всего несколько недель, обязывает строителей Куйбышевской ГЭС поторапливаться с работами по ограждению котлована под здание от паводка.

Трудовая жизнь у горы Могутовой не затихает ни на минуту. В оставшееся до паводка время здесь предстоит завершить начатые еще летом грандиозные работы по сооружению перемычек и шпунтовой стены. На строительной площадке всегда светло: днем — от яркого солнца, ночью — от бесчисленных прожекторов, электрических фонарей и автомобильных фар. Своим чередом идут работы в котловане, который становится все глубже и глубже.

Тянущаяся по берегу так называемая целиковая перемычка предназначена для ограждения от паводка береговой части котлована. Десятки самосвалов возят на нее по ледовой дороге через Волгу песок с левого берега. Перемычка растет на глазах.

Поднимается и шпунтовая стена. В том месте, где уже наращен ее второй ярус, она возвышается метров на двадцать. Это сооружение кажется особенно мощным. Но, оказывается, одной этой стены недостаточно, чтобы сдержать напор половодья. Нужно уложить еще сотни тысяч кубометров песку и камня, чтобы завершить оголовок и верхнюю перемычку. Только одного камня в течение февраля и марта в верхнюю перемычку надо отсыпать 108.000 кубометров. Нетрудно представить, насколько велик объем этой работы, если вспомнить, что на сооружение банкета для создания тиховодья в прошлом году камня пошло около 50.000 кубометров.

План вывозки грунта из котлована, насыпки песка в правобережные перемычки и забивки металлического шпунта строителями района гидротехнических сооружений в первой половине февраля выполнен больше, чем на 110 процентов. Производительность продолжает расти.

Среди стахановцев великой стройки, перевыполняющих план, отличаются экскаваторщики Камаев, Евец, Константинов, бульдозеристы Шевадриков, Вечкутов, Жирнов, машинисты копров Спирин, Бурдин и другие.

г. КУЙБЫШЕВ. (Наш корр.)

Горячие дни

Горячие предпусковые дни наступили на Мариновской насосной станции, которая поднимет донскую воду еще на 19 метров и заполнит ею Береславское водохранилище.

Коллектив строителей и монтажников дал слово пустить в действие первый насос на семь дней раньше срока — 1 марта. На всех участках строительства растет трудовое напряжение. Здесь мы встретили известную на канале бригаду Ивана Ерошина, квалифицированного монтажника, имеющего за плечами солидный опыт строительства гидротехнических сооружений. Он вел монтаж агрегатов на Карповской насосной станции. Монтаж ее первого агрегата бригада провела за две недели, и об этом говорили, как о выдающемся успехе. На сборку второго насоса бригада затратила восемь дней. На Мариновской же станции бригада управилась с такой же работой за четыре дня.

Отлично трудится бригада монтажников Ивана Артюшкина. Вес центробежного насоса составляет около 70 тонн. Эту огромную тяжесть требовалось сначала поднять, а затем опустить для монтажа в машинный зал, который в отличие от зала Карповской насосной станции находится под землей. Бригада Артюшкина успешно справилась с заданием. Два центробежных насоса из трех установлены.

В начале марта донская вода сделает свой второй шаг к Волге.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

Первые караваны судов на Аму-Дарье

Мягкая и сырая кара-кумская зима доставляет немало хлопот строителям Главного Туркменского канала. После дождей становятся непроезжими дороги, связывающие Тахиа-Таш с перевалочными базами и другими участками стройки. Однако пульс жизни не ослабевает. Каждый день приносит вести о новых успехах строителей.

На днях в Тахиа-Таше закончилось собрание партийно-хозяйственного актива Средазгидростроя. Со всех многочисленных строительных районов, участков, отделений, раскинувшихся на трассе будущего канала, съехались партийные работники, инженеры, хозяйственники, лучшие стахановцы. По докладу главного инженера Эристова актив принял решение: выполнить годовой план строительно-монтажных работ к 7 ноября, повысить на десять процентов производительность труда, снизить себестоимость работ.

Неослабевающими темпами продолжается в зимних условиях создание Тахиа-Таша — города, являющегося своеобразной лабораторией, где в больших масштабах испытываются новые методы жилищно-бытового и промышленного строительства. Сюда прибыл лауреат Сталинской премии инженер Н. Орлянкин, один из изобретателей нового строительного материала — крупнопористого бетона. Под его руководством начато сооружение из этого материала жилых домов.

Скоро к Тахиа-Ташу подойдет железная дорога. Идет подготовка к приему энергопоездов, которые будут питать энергией механизмы стройки.

В городе закончен монтаж междугородной телефонной станции.

До официального открытия навигации на Аму-Дарье еще далеко, но как только река очистилась ото льда, из Чарджоу к Тахиа-Ташу двинулись караваны судов. Первым причалил к Тахиа-Ташской пристани катер под командой капитана Трофимова. Он привел две баржи со строительными материалами и другими грузами.

Строители канала живут богатой духовной жизнью. Идет оживленная подготовка к юбилею Гоголя: в библиотеках, красных уголках читаются лекции, созданы витрины, фотомонтажи, книжные выставки.

ТАХИА-ТАШ. (Наш корр.).

ГОГОЛЕВСКАЯ ВЫСТАВКА

Никогда бессмертные творения Гоголя не получали такого распространения в народе, как при советской власти.

Вот цифры: 514 изданий на 38 языках тиражом 19 миллионов 370 тысяч экземпляров было выпущено в нашей стране в советское время, в том числе 334 издания на русском языке и 169 — на языках братских народов ЕССР. А за тридцать лет, предшествующих Великому Октябрю, произведения Гоголя были изданы всего в количестве 5 миллионов 813 тысяч экземпляров на пяти языках.

Никогда наследие Гоголя не собиралось и не хранилось так любовно и бережно, как теперь. Государственными хранилищами и музеями ныне собраны все первые прижизненные издания писателя, его иконография, богатейшие изобразительные и архивные материалы, так или иначе связанные с жизнью и литературной деятельностью творца «Ревизора» и «Мертвых душ».

Обо всем этом подробно расскажет Всесоюзная выставка, открывающаяся к гоголевским дням в Государственном литературном музее.

Почетное место на выставке займут книги Гоголя: редкие экземпляры всех прижизненных изданий, лучшие из дореволюционных собраний сочинений издания советского времени — от академического полного собрания сочинений до разнообразных массовых выпусков на русском, украинском и других языках народов Советского Союза. На стендах, посвященных художественному творчеству писателя, посетители увидят многочисленные иллюстрации к его произведениям.

В документах и изобразительных материалах первого зала, обнимающих 1809—1834 годы, будут развернуты темы: детство Гоголя и годы учения в Нежине; тут особенно интересны новые документы, относящиеся к «Делу о вольнодумстве». Жизни Гоголя в Петербурге, его литературному окружению, знакомству и творческой дружбе с Пушкиным посвящены специальные стенды. Будут показаны письма писателя к Пушкину, раскрывающие те отношения между гениями русской литературы, о которых так прекрасно сказал Н. Г. Чернышевский: «Радушным приветом встретил, благословением своим напутствовал Пушкин двадцатилетнего одинокого юношу, который сделался преемником его славы. И не только как писатель писателя встретил и ободрил он его, и как человек для человека сделал он для него все, что мог». В эти годы были написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки», повесть «Миргород», среди них — героическая эпопея «Тарас Бульба». Рукописи, письма, журнальная критика той поры раскрывают их творческую историю и идейное содержание.

Дальнейшему этапу творчества — петербургским повестям, «Ревизору» и другим драматическим произведениям, «Мертвым душам» посвящен второй зал выставки. Цензурные экземпляры «Ревизора», «Женитьбы» и «Мертвых душ» наглядно показывают, как трудно было в тисках самодержавия печатать и ставить на сцене эти гениальные создания. В цензурном экземпляре «Мертвых душ» красными чернилами вычеркнута целиком «Повесть о капитане Копейкине», которой так дорожил писатель.

В высказываниях писателей-классиков раскрывается могучее влияние Гоголя на русскую литературу и общественную мысль России. Ряд стендов отведен писателям «гоголевского направления» в русской литературе сороковых и пятидесятых годов XIX века и важнейшим работам критиков — революционных демократов о Гоголе.

Особое место занимает тема образов Гоголя в произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Советский народ глубоко чтит Гоголя, увековечивает его память. Колхозы и улицы в городах и селениях, библиотеки и дома культуры, школы и техникумы носят имя великого писателя. В Больших Сорочинцах на месте прежнего мемориального музея, разгромленного фашистскими захватчиками, создан новый, еще лучший литературно-мемориальный музей. Учащиеся керамического техникума в Миргороде создают искусные произведения на гоголевские темы. Все это найдет отражение в экспонатах третьего зала, где показана также современная сценическая жизнь гоголевских пьес.

Интересны фотодокументы мест, описанных Гоголем. Прекрасное здание санатория воздвигнуто в Миргороде на том самом месте, где находилась знаменитая лужа. Село Большие Сорочинцы, где родился писатель, украсилось зданиями педагогического училища, средней школы и других культурных учреждений. Дом культуры в Диканьке. Педагогический институт имени Н. В. Гоголя в Нежине — все это наглядно рисует те колоссальные сдвиги, которые произошли за годы советской власти в жизни земляков великого писателя.

Государственному литературному музею в последнее время удалось приобрести ряд ценных материалов. В их числе — экземпляр сочинений Гоголя издания 1842 года с карандашным рисунком-автопортретом, с подписью: «Это я, Николай Васильевич Гоголь», одна из ранних иллюстраций к «Ревизору» художника Грибкова.

На выставке будет представлено свыше двух тысяч экспонатов, характеризующих жизненный и творческий путь великого русского писателя и судьбу его наследия в Советском Союзе.

Городок ученых

СТАЛИНО. (Наш корр.). В центре города вдоль широкой асфальтовой магистрали возводятся новые здания. В некоторых из них уже ведутся отделочные работы, в других устанавливается оборудование, третьи — только закладываются. На участке, занимающем 14,5 гектара все яснее вырисовываются очертания трех новых кварталов.

Здесь будет городок Донецкого научно-исследовательского угольного института. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» директор института тов. Д. Ляпин рассказал:

— В течение ближайших лет в городке будет построено шесть больших многоквартирных домов для сотрудников нашего института, главный корпус со всеми необходимыми службами, в том числе с просторным помещением для научно-технической библиотеки. Создаются лаборатории горной электротехники, электромеханики, шахтных вентиляторов, электровозной откатки и т. д. В этих лабораториях сотрудники института будут создавать и всесторонне испытывать новые горные машины и механизмы, новые виды шахтной крепи, оборудование для обогащения и коксования угля.

В городке будут жить и работать до тысячи человек, в их числе 600 научных сотрудников. Большой интерес для ученых, трудящихся Донбасса и всех, кто посещает наш край, будет представлять горный музей. Здание его входит в комплекс сооружаемого городка. Многочисленные экспонаты и материалы музея отразят историю развития угольной промышленности Донецкого бассейна со времен Петра I, когда здесь были начаты разведки недр, до наших дней.

Международные отклики

В ЛИССАБОНЕ

«В столице Португалии уже весна. Однако мягкий климат не располагает к блаженному оптимизму делегатов стран Атлантического пакта, которые там собрались...» — сумрачно свидетельствует бельгийская газета «Сите». Чем же можно объяснить пессимистическое настроение делегатов, собравшихся 20 февраля в Лиссабоне на открытие очередной сессии совета Северо-атлантического союза? Почему представители многих западноевропейских стран ежатся в своих креслах так, как будто они сидят не в зале португальского парламента, а на раскаленной сковороде? Официальное включение ремилитаризируемой Западной Германии в Атлантический блок под флагом «европейской армии» — такова основная проблема, доминирующая в повестке дня лиссабонской сессии. Хорошо осведомленный в вашингтонской политике орган Ватикана газета «Куотидиано» пишет: «Америка сделала стопроцентную ставку на вооружение Германии. Она больше рассчитывает на 12 боннских дивизий, чем на все другие армии Запада, вместе взятые...»

Но в том-то и дело, что американская политика возрождения германского милитаризма наталкивается на возмущение и все усиливающееся сопротивление народов Европы. Эта политика в то же время вызывает растерянность даже в рядах сателлитов США. Со всем этим вынужден считаться государственный секретарь США Ачесон, «дирижирующий» на лиссабонском слете поджигателей войны. Говоря о проблемах, стоящих перед сессией, он, как бы между прочим, сказал, что «общественное мнение питает некоторые сомнения и их следует рассеять».

За этой вскользь брошенной фразой г-на Ачесона скрывается важное признание. Ведь главной задачей, которая стояла перед американской дипломатией накануне лиссабонской сессии и которую г-н Ачесон пытается разрешить в Лиссабоне, является стремление любыми средствами преодолеть резко обострившиеся противоречия в Атлантическом блоке.

Для того, чтобы успокоить своих партнеров по Атлантическому блоку, встревоженных перспективой возрождения германского милитаризма, и в то же время дать в руки своим единомышленникам новое оружие для обмана общественного мнения, представители США ведут туманные разговоры о «гарантиях».

Но правящие круги Франции и других стран Западной Европы, которых эти американские «гарантии» якобы призваны уберечь от возможной германской агрессии, на собственном горьком опыте знают цену обещаниям вашингтонских хозяев. В Лиссабоне, констатирует французский официоз «Монд», «будет, очевидно, обсуждаться вопрос о пресловутых англо-американских гарантиях...» Но это дело, — саркастически замечает газета, «похоже на квадратуру круга», ибо США стремятся «одновременно обеспечить французов, не вызвать досады у немцев и не слишком связывать себя обещаниями...»

Чего стоят разговоры о «гарантиях», лучше всего показывают новые наглые заявления боннского канцлера Аденауэра, который после переговоров с Ачесоном, Иденом и Шуманом «посоветовал» Франции «отказаться от мысли иметь национальную армию»...

Раскрывая против своей воли смысл предстоящего сговора о «гарантиях», итальянская газета «Коррьере делла сера» пишет, что речь идет, повидимому, о заключении «нового Локарнского соглашения»... Да, действительно, «дух Локарно» витает в эти дни над Лиссабоном. Двадцать шесть лет тому назад в швейцарском курортном городке Локарно англо-французские империалисты, поощряемые Соединенными Штатами, заключили подобную «гарантийную сделку» с побежденной Германией. Путем этой сделки они пытались тогда втянуть возрождавшийся германский империализм в фарватер англо-американской политики в Европе и натравить Германию на Советскую Россию. Путь, начатый в Локарно, привел, как известно, к позору Мюнхена и к развязыванию второй мировой войны. Ясно, что не слишком веселые мысли приходят на ум западноевропейским политикам...

Но, помахивая перед своими партнерами новым «гарантийным» пряником, г-н Ачесон не забывает и о кнуте. Стараясь укрепить «единство» раздираемого противоречиями Атлантического блока, государственный секретарь США прибегает, как обычно, не только и не столько к елейным речам, сколько к более действенным методам «убеждения». Недаром в повестке дня лиссабонской сессии стоит вопрос о реорганизации всей системы управления этим агрессивным блоком. Как подчеркивает западноевропейская печать, Гарриман и другие американские представители требуют сосредоточения власти в руках одного лица, наделенного «диктаторскими полномочиями».

Однако надежды г-на Ачесона не разделяет даже и реакционная печать США. Корреспонденты американских газет в Лиссабоне единодушно признают, что Соединенным Штатам не так-то просто справиться с противоречиями, раздирающими агрессивный Атлантический блок. Корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор» пишет, например, что «сессия совета в Лиссабоне не будет столь успешной, как предполагали месяц тому назад официальные лица в Вашингтоне». А газета «Нью-Йорк таймс», раздраженно замечая, что 14 стран, входящих в Атлантический блок, обязаны заниматься организацией вооруженных сил, а «не отношениями между Францией и Германией», требует усилить американский нажим на западноевропейские страны.

Как злая сатира, звучит поэтому напыщенное утверждение г-на Ачесона о том, что «Северо-атлантический союз войдет в историю, как один из самых прекрасных демократических институтов, которые когда-либо были созданы в течение последнего полувека». Вряд ли подобные лицемерные речи г-на Ачесона смогут сделать то, чего не сделал, как свидетельствует газета «Сите», мягкий португальский климат, — рассеять уныние и раздражение, царящие в Лиссабоне...

ЛИТЕРАТОР

Наши товарищи

Сегодня в армейской библиотеке можно услышать:

— Нет ли у вас брошюры об открытии профессора Лепешинской?

— Какие получены новинки художественной литературы?

— Я заинтересовался новой теорией происхождения земли. Что вы посоветуете прочитать на эту тему?

...В клубе профессор читает солдатам лекцию о Чайковском. Полковой оркестр иллюстрирует лекцию отрывками из произведений композитора. Но вот лекция-концерт окончена.

— Есть ли вопросы? — спрашивает профессор.

В зале поднимается множество рук.

— Кто написал либретто к опере «Пиковая дама»?

— Что такое камерное произведение?..

А в это время в соседней комнате кружок самодеятельности репетирует пьесу Островского. Руководитель кружка ефрейтор Вострикоп говорит солдату Семенову, исполнителю главной роли:

— Понимаете, в вашей игре еще много театральности. Станиславский учил актера вживаться в образ...

Все это, на первый взгляд, обычные примеры. Но говорят они о многом.

В десятую годовщину нашей армии Алексей Максимович Горький писал: «Интересно было бы подсчитать, сколько грамотных людей дала деревне Красная Армия за эти годы... Сколько бойцов ушло и уходит на рабфаки, в вузы, сколько их работает в красноармейской прессе, сколько создано из них высококвалифицированных рабочих, и вообще: какова цифра культурных людей, воспитанных первой, за всю трагическую историю Европы, действительно народной армией, созданной не для нападения, а для самозащиты».

Может быть, ефрейтору Вострикову никогда не придется стать режиссером, но армия уже сделала его культурным человеком. И таких, как он, множество. Сколько в рядах Советской Армии талантливых поэтов, художников, музыкантов, мастеров спорта!..

Советская Армия — проводник самой передовой в мире социалистической культуры; она имеет свои академии и институты, вечерние университеты и художественные студии, ансамбли и театры. Десятки миллионов томов политической, военной, художественной, научно-технической и другой литературы насчитывает сейчас библиотечный фонд советских Вооруженных Сил.

Советский воин — солдат мира. Как любой гражданин страны победившего социализма, он горячо, всей душой хочет мира. Вся история Советской Армии, весь ее славный боевой путь — путь борьбы за мир, свободу и независимость не только своего народа, но и народов других стран. В пятиконечной звездочке, которую носят советские воины, трудящиеся всего земного шара видят символ мира.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик...» — так начинается наша военная присяга. Эти слова произносит молодой человек, ставший солдатом. А через некоторое время, когда командир похвалит его за первые успехи, он ответит: «Служу Советскому Союзу!»

Воинская казарма — родной дом советского солдата. Здесь он в дружной боевой семье живет, учится, работает, а в свободное время культурно и весело отдыхает, слушает доклады опытных пропагандистов, принимает участие в беседах агитаторов, в литературных вечерах. Кино, радио, клуб, библиотека — все для него, труженика армии социалистического государства.

***

Никто в нашей армии не унизит достоинства солдата. Командир строг, требователен, но и заботлив. Он старший по званию, но он — товарищ. Наш офицер — справедливый начальник и взыскательный, чуткий воспитатель. Через командира наш народ осуществляет в войсках свою волю. Голос командира звучит в советской казарме повелительно. Но зайдите вечером в армейскую библиотеку, в клуб. Вы увидите полковника и солдата, стоящих рядом у карты-схемы «Великие стройки коммунизма», сообща мечтающих о чудесном завтрашнем дне нашей Родины; увидите сержанта и капитана, горячо и увлеченно спорящих о достоинствах и недостатках нового кинофильма или недавно вышедшей книги; лейтенанта и ефрейтора, анализирующих за шахматной доской партию чемпиона мира...

Наши генералы, офицеры, сержанты и солдаты — члены одного воинского братства. Они живут одними общими интересами, едины по духу и воспитанию. Ярким выражением единства начальников и подчиненных в Советской Армии является узаконенное нашими воинскими уставами обращение военнослужащих друг к другу с обязательным добавлением к воинскому званию великого слова **товарищ**.

Рядовой Павел Степенко на стрелковых соревнованиях показал высокий класс стрельбы из карабина. Командир части объявил ему благодарность перед строем всего личного состава. В тот же день он поблагодарил на собрании офицеров и командира роты, в которой служил Степенко. Взволнованный офицер пришел в казарму и обнял солдата.

— Вы просто молодчина, товарищ Степенко. Знаете, если вы не против... я приглашаю вас в воскресенье пойти со мной в театр.

— Конечно, товарищ капитан. Это для меня большая честь, — ответил Степенко.

Я видел их в воскресенье в театре. Капитан и солдат в антракте прогуливались рядом, обменивались мнениями об игре артистов. Глядя на них, я вспоминал героя одного из романов, напечатанного в США, американского генерала Каммингса, который заявляет, что «армия наилучшим образом действует тогда, когда каждый в ней боится человека, стоящего над ним, и презирает человека, ему подчиненного». Плохо же придется американскому генералу Каммингсу, если он вздумает проверить правильность своего «глубокомысленного» изречения в бою против Павла Степенко и его командира — солдата и офицера Советской Армии!

Моральный облик нашего воина неотделим от морального облика всех советских людей. Одним из замечательных качеств, присущих нашим воинам, является государственный подход к любому делу, которое им поручается, глубокое понимание общественных интересов и своего воинского долга. Эти черты ярко показал в одном из рассказов писатель П. Павленко. Командир стрелковой дивизии, от лица которого ведется рассказ, говорит о сержанте Егоре Колесникове:

«Мой приказ является для него не окриком, не чужой волей, а как бы собственной его программой действий... Я думаю, что в глубине души он считал себя ответственным за неудачи дивизии, корпуса, даже армии... Он не мог не чувствовать себя хозяином даже там, где был самым маленьким исполнителем... Такой же хозяин страны, как и я. И даже, в некоторых смыслах, больше, чем я. Колесников до войны был миллионером, как председатель богатейшего колхоза, знаком с академиками, бывал в Кремле у товарища Сталина. У него родной брат — майор танковых войск, его колхозный бухгалтер — Герой Советского Союза, а председатель его райсовета — политработник в соседней дивизии. У него — куда ни кинь — всюду государственные связи, он везде — фигура. Это, знаете, не солдат, а деятель войны совершенно нового типа — боец Красной Армии».

Наш солдат — не узкий военный специалист. Он полноправный и активный гражданин государства.

В одно время начали службу в армии рядовые Крайнов и Кульжанов. Оба с первого дня службы стремились стать передовыми воинами и настойчиво овладевали военными и политическими знаниями. Рядовой Крайнов сразу выдвинулся в число отличников. А вот солдат Кульжанов, казах по национальности, встретился с трудностями. Он плохо владел русским языком.

Крайнов сам пришел к командиру с просьбой разрешить ему оказать Кульжанову помощь в учебе. С братской заботливостью и товарищеской требовательностью относился Крайнов к Кульжанову. Сослуживцы часто видели их вечерами после общих занятий в учебном классе. Крайнов учил Кульжанова русскому языку.

Однажды Кульжанов самостоятельно прочитал целую страницу русской книги. Несколько минут после этого он молча сидел со счастливой улыбкой на лице. А потом вдруг вскочил и воскликнул:

— Хорошо!

— Что хорошо? — не понял Крайнов.

— Как что? Приеду домой, скажу землякам — русский язык знаю! И еще обязательно скажу, — добавил он с большой теплотой в голосе, — что обучил меня этому великому языку русский товарищ, рядовой Николай Крайнов.

***

В каждой нашей воинской казарме есть портрет И. В. Сталина. Смотрят наши солдаты на дорогой облик, в котором каждая черточка бесконечно знакома и близка, и большие, волнующие чувства наполняют их честные, прямые души.

Сталин! Как близко советским воинам это имя! Какую безмерную силу, гордость и нежную сыновнюю любовь рождает оно в сердцах защитников нашей Родины!

...Алое полотнище развевается над домом советского солдата. Сам цвет его — символ революции, на страже завоеваний которой вот уже тринадцать четыре года непоколебимо стоят Советская Армия и Военно-Морской Флот. Стоят с честью, достоинством и славой.

Наш народ трудится самоотверженно, уверенно и спокойно. Он знает, что войска, осененные непобедимым знаменем Ленина — Сталина, — надежная богатырская застава Отечества, державы мира и счастья народов.

Капитан В. КАСЬЯНЕНКО

Воинская часть, УССР

Мих. МАТУСОВСКИЙ

СЛОВО МОЕГО ФРОНТОВОГО ДРУГА

Говорю от имени стрелявших
С огневых позиций по врагу,
Говорю от имени лежавших
Сутки, под обстрелом, на снегу.
Говорю от имени уснувших
У дорог проселочных навек,
Говорю от имени хлебнувших
Воду из форсированных рек.
Говорю от имени погибших,
Говорю от имени живых,
Все со мною поровну делivших,
Верных побратимов фронтовых.
Мир давно б на несколько столетий
Был отброшен войнами назад,
Если б не существовал на свете
Я —
Советской Армии солдат.

Те, что вновь сползлись в военный лагерь,
В ком давно умолкли стыд и честь,
Могут и сегодня на рейхстаге
Мой автограф огненный прочесть.
Мир глядел с надеждой в час суровый
На мою армейскую звезду,
И Победа в чине рядового
Шла со мной всегда в одном ряду.
Это я в сраженьи небывалом
Землю спас от горя и обид.
Не американским генералам —
Мне в Берлине памятник стоит.
Там поднялся после смертной схватки,
Устремив через границы взгляд,
В сапогах, в крылатой плащ-палатке
Я —
Советской Армии солдат.

Не хочу, чтоб свастикой паучьей
Снова затенили шар земной
Те знамена, что швырнул я в кучу
Под Кремлевской вечною стеной.
Я не разучился в поле чистом
В самом грозном действовать огне,
Помогать товарищам танкистам,
Прижимаясь к ледяной броне,
Спать в снарядом выкопанной яме,
От дождя укрывшись с головой,
На ветру прикуривать с друзьями,
Провода тянуть к передовой.
Если бой — не отступать ни шагу,
Если путь — то не знавать преград.
В том даю священную присягу
Я —
Советской Армии солдат.

Рядовой прославленной пехоты,
Вахту мира я сейчас несу.
Если ж им играть с огнем охота,
Пусть себе зарубят на носу:
Чтоб разбойник из-за океана
Не нарушил мирный труд людей,
Придана энергия урана
К собственной энергии моей...
Спят в чехлах победные знамена.
Солнце над Курилами встает.
Повизовый ветер с Волго-Дона
До меня доносит гул работ.
И стою, храня леса и нивы,
Руку положив на автомат,
Сильный, беспощадный, справедливый,
Я —
Советской Армии солдат.

Писатели-воины

★ Много писателей-воинов пришло в советскую литературу в послевоенные годы. До войны это были люди самых разнообразных мирных профессий — инженеры, историки, педагоги, партийные работники, журналисты, кинорежиссеры. Богатейший материал, накопленный в фронтовые годы, — грандиозность событий, беспримерный героизм советских людей, их глубокий патриотизм — подсказал им темы и сюжеты книг.

★ Олесь Гончар, создавший после войны трилогию «Знаменосцы», ушел добровольцем на фронт с третьего курса Харьковского университета. Свою первую большую книгу «Альпы» он выпустил пять лет назад.

★ Автор повести «Люди с чистой совестью», лауреат Сталинской премии П. Вершигора, в прошлом режиссер и киноработник. Вот его послужной список в годы войны: помощник командира взвода, командир роты, командир батальона, затем разведчик на Брянском фронте, заместитель командира партизанских отрядов Орловской области по разведке, командир роты, помощник Ковпака по разведке, а после отозвания Ковпака на «Большую землю» — командир ковпаковцев.

★ Впервые после войны стало известно имя автора романа «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, в прошлом офицера саперных войск.

★ Михаил Алексеев прошел путь от рядового до командира роты. Впервые стал писать на фронте. Пять лет работал над романом «Солдаты». Роману предшествовали две небольшие приключенческие повести. Сейчас М. Алексеев заканчивает роман «Пути-дороги» о Румынии.

★ Василий Субботин ушел на войну 22 июня 1941 года солдатом-танкистом, а кончил ее офицером пехоты при штурме рейхстага... Книга стихов В. Субботина «Солдат мира» — своеобразный поэтический дневник участника Великой Отечественной войны.

★ Алексей Максимович Горький, прочитав главы рукописи романа о казачестве, задуманного П. Федоровым, посоветовал продолжать писать, но больше читать и учиться. «Он мне сказал тогда, — рассказывает П. Федоров, — что писательство дело трудное, да и рановато мне браться за такой роман. Вот пишете вы о войне, говорил он, а сами ее видели? Из книжки войну-то знаете. Чтобы осознать и осмыслить все сказанное мне Алексеем Максимовичем, потребовалось двенадцать лет жизни и из них четыре года Великой Отечественной войны». П. Федоров ушел на фронт добровольцем, участвовал в боях на Западном фронте, а потом воевал под командованием генерала Доватора. В 1944 году, выйдя из госпиталя после ранения, П. Федоров начал писать и через два года опубликовал первую книгу своего романа о генерале Доваторе «Глубокий рейд». Вскоре написал и вторую книгу этого романа «Под Москвой».

★ Книжка стихов «Мы — мирные люди» написана коммунистом, бывшим фронтовиком Г. Пагиревым. Он начал воевать рядовым солдатом, во время прорыва блокады Ленинграда командовал взводом, потом ротой, а закончил войну в звании капитана. Сейчас его «оружия любимейшего род» — стихи «Мы — мирные люди» — третий сборник молодого поэта.

★ Ленинград дал советской литературе целую группу писателей-воинов. В их числе — военный журналист В. Кочетов, медицинская сестра Н. Грудинина, командир взвода танков С. Орлов, политработник А. Чепуров, шофер из автоколонны И. Демьянов, лейтенант медицинской службы С. Ботвинник. На днях правление Ленинградского отделения ССП рекомендовало для приема в Союз писателей СССР бывшего командира автогруппы, ныне поэта И. Ринка, бывшего танкиста, ныне инженера и литератора Д. Гранина и гвардии подполковника в запасе, прозаика К. Косцинского.

★ В прошлом году издательство «Советский писатель» выпустило книгу А. Баковикова «Уходим в море». Это четвертая по счету за последние восемь лет книга писателя, в недавнем прошлом офицера Черноморского флота, участника обороны Севастополя.

★ Со школьной скамьи или из стен институтов ушли на фронт четыре воина-казаха. Это А. Нурпеисов, работающий сейчас над четырехтомным романом о жизни аральских рыбаков, М. Алимбаев, выпустивший книгу стихов о карагандинских шахтерах, Ж. Молдагалиев — автор стихов о мирном строительстве республики и Х. Ергалиев — автор поэмы «Исповедь отца», посвященной войне. Его новая поэма «Девушка из нашего аула» выпущена на днях издательством «Советский писатель».

★ В партизанском крае, в отрядах Ковпака получили признание и известность боевые стихи П. Воронько, которому в прошлом году присвоена Сталинская премия. В тылу у врага немногие свободные часы посвящал писанию рассказов о партизанах Герой Советского Союза Ю. Збанацкий. Будучи офицером Военно-Воздушных Сил, написал свою первую книгу стихов Я. Шпорта.

Новые книги

Антонов С. Рассказы. «Молодая гвардия». 144 стр.

Бражнин И. Светлый мир. Роман. «Молодая гвардия». 448 стр.

Ефанов П. Живи, Корея! «Советский писатель». 108 стр.

Керашев Т. Дочь шапсугов. По мотивам народной адыгейской новеллы. Майкоп. Адыгнациздат. 102 стр.

Лагин Л. Остров разочарования. Роман. «Молодая гвардия». 470 стр.

Лисовский К. Огни Севера. Стихи. Новосибирск. Облиздат. 110 стр.

Михайлов М. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. Стихотворения. Чкалов. Облиздат. 640 стр.

Никитин И. Они вступают в жизнь. Повесть. «Молодая гвардия». 595 стр.

Предания и сказки Горьковской области. Запись и редакция текстов Н. Комовской. Горький. Облиздат. 328 стр.

Пришвин А. Солнечная зима. Повесть. Хабаровск. Дальневосточное государственное издательство. 255 стр.

Садовский Е. Ясные дали. Рассказы. Минск. Государственное издательство БССР. 136 стр.

Толстой А. Избранные сочинения в шести томах. «Советский писатель». Том III. Хождение по мукам. (Трилогия). Книга 1-я. Сестры. Кн. 2-я. Восемнадцатый год. 615 стр. Том IV. Хождение по мукам. Кн. 3-я. Хмурое утро. Хлеб. (Повесть). 662 стр.

Хаким С. Избранное. (Стихи). Авторизованный перевод с татарского Н. Сидоренко. Казань. Татгосиздат. 160 стр.

Халилецкий Г. В моем краю. Стихи. Владивосток. Примиздат. 140 стр.

Эвентов И. Борис Лавренев. Критико-биографический очерк. «Советский писатель». 143 стр.

Оружие мира

З. ПАПЕРНЫЙ

В Ленинграде, в издательстве «Советский писатель», вышла книга «Оружие мира». Это — сборник литературно-критических статей о крупнейших советских писателях, об их борьбе за мир.

Борьба за мир — одна из главных, коренных тем советской литературы.

Горький... Гневные и грозные очерки об Америке, об «ихтиозаврах капитала». Голос, поднятый великим писателем против фашизма. Обращенные к людям всего мира воззвания, статьи, очерки, выступления на конгрессах. На весь земной шар прозвучавшие слова: «С кем вы, мастера культуры?» — с народом или против народа.

Маяковский... Яростные памфлеты против «жирных» — зачинщиков мировой бойни, против «костоломов и мясников». «Лучший стих» поэта, посвященный победам китайского народа. «Осторожный марш», призывающий к бдительности и мужеству.

Фадеев... Герои «Разгрома» и «Молодой гвардии», ставшие символом смелости и душевной красоты для нового поколения героев.

Тихонов... Поэмы, выступления, доклады в защиту мира. Стихи об индийском мальчике Сами, который сегодня стал сознательным борцом за мир.

Романы и очерки Эренбурга, стихи Симонова и Суркова, пьесы Корнейчука и Якобсона, книга стихов Малышко о заокеанской земле, о статуе Свободы, которую за несколько центов купили банкиры, «словно проститутку с авеню...», поэмы и баллады Кулешова «Простые люди», «Новое русло», «Только вперед!», стихи о мирной, свободной Грузии Григория Абашидзе, цикл заграничных стихов Самеда Вургуна, его сборник «Поэт коммунизма», полные любви и гнева слова об Индии таджикского поэта Мирзо Турсун-заде...

Сборник состоит из 14 статей, написанных разными критиками о разных писателях. Но это цельная книга, проникнутая единством темы.

Борьба за мир ничего общего не имеет с пацифизмом.

«На книжном рынке, — писал И. В. Сталин Горькому 17 января 1930 года, — фигурирует масса художественных рассказов, рисующих «ужасы» войны и внушающих отвращение ко всякой войне (не только к империалистической, но и ко всякой другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей от ужасов империалистической войны к необходимости преодоления империалистических правительств, организующих такие войны».

Эти слова вождя помогают нашим писателям находить верные, мужественные образы в борьбе с провокаторами мировой бойни, учат смотреть правде в глаза, никогда не отступая, не впадая в панику перед «психической атакой» поджигателей войны, организаторов военной истерии.

«Оружие мира» — это не просто название, это идея, объединившая книгу.

Враги советской литературы, наемные зарубежные витии кричат о том, что борьба за мир — «пропаганда», своего рода кампания, пытаются замолчать тот факт, что борьба эта началась с первых дней Советского государства. С этой борьбой связана и вся история нашей литературы. Правильно поступают авторы сборника, когда прослеживают развитие темы мира на материале всего творчества писателя. Так, С. Владимиров показывает, что призыв к миру прозвучал в первых же произведениях Алексея Суркова. Герой его стихов — человек труда, он стремится к мирной, свободной жизни, но путь к миру лежит сквозь пламя войны. Герой поэзии Алексея Суркова — это **солдат мира**, выступающий против наемников, солдат войны. Ему, солдату мира, и посвящены лучшие стихи поэта, по праву сказавшего о себе:

Я шагал по обугленной боем меже,
Чтоб до сердца солдата дойти.

Т. Трифонова в статье об И. Эренбурге показывает, как укреплялся гуманизм писателя, вначале еще отвлеченный, ослабленный чертами пацифизма, как, пережив судьбу борющегося Мадрида, преданного Парижа, обманутой Франции, став писателем-воином, Эренбург пришел к выводу: «Люди могут предотвратить войну!.. Мы отведем дуло от груди человека»...

Интересно написана статья П. Ширмакова о Николае Тихонове. Мы видим, как росли поэт и его герои вместе с ростом лагеря мира, вместе с укреплением связей простых людей разных стран. Невообразимо далекой казалась страна Советов индийскому мальчику Сами, но он уже устремлялся сердцем к ней, к Ленину...

Спустя почти два десятилетия в одном из стихотворений цикла «Два потока» поэт рассказывает о рабочем Лахора. Его жизнь так же тяжела, как и жизнь Сами.

Стены глиняные голы,
Пол бугристый, земляной,
Небо синего осколок
Сдавлен пыльной тишиной...

Но насколько вырос лахорский рабочий по сравнению с Сами! Его мечта о счастье связалась с борьбой за счастье. Страна Советов не кажется ему больше далекой.

К участию в сборнике привлечены молодые силы. П. Ширмаков, Е. Колпакова, А. Андреев, авторы статей о Н. Тихонове, К. Симонове, А. Кулешове — аспиранты; В. Бахтин и О. Гречина, написавшие статьи о Г. Абашидзе, С. Вургуне, — молодые преподаватели, Вл. Смыслов (статья об А. Малышко) — молодой критик, Г. Терентьев (статья об А. Корнейчуке) кончил университет в прошлом году.

Сборник является хорошим примером смелого привлечения к работе над актуальными вопросами критики и литературоведения молодых специалистов. А ведь только так и можно решить задачу подготовки новых критических кадров.

Не все в книге одинаково удачно. Е. Наумов хорошо рассказал о борьбе Маяковского с врагами мира, но слабее раскрыл образы друзей мира, простых людей разных стран, в поэзии Маяковского. А ведь стихи поэта полны не только ненависти к сигарным, сахарным и свиным королям, но и братского сочувствия к труженикам Вилли и Тому, к парижанке, которая не продается, а служит, к нищенцам, неграм, мексиканцам, стонущим под железной пятой американской «свободы».

Ошибается, на наш взгляд, П. Ширмаков, заявляя, что, только начиная с повести 1931 года «Война», Н. Тихонов «впервые поднялся до осознания агрессивных, милитаристических тенденций империализма». Такая формулировка — недооценка творчества молодого Тихонова.

Однако дело не только в частных недостатках той или иной статьи. Почти все авторы сборника обнаруживают умение раскрыть идейный смысл произведения, но слабо подкрепляют этот анализ разбором художественного своеобразия писателя. Это глубоко неправильно. Чем сильнее, богаче идея, тем более многообразно ее художественное воплощение.

П. Ширмаков, как уже говорилось, правильно пишет о том, что лирический герой поэзии Суркова — человек труда, солдат мира. Но ведь это накладывает отпечаток на образы, стиль, пейзаж стихотворений А. Суркова.

Герою его поэмы «Легче встретить сто смертей, чем смять посевы и разрушить кров». На разбитые бомбами города и села он, строитель, смотрит с «отцовским страданием» мастера. Сидя в окопе, он мечтает:

Рушник бы мне хороший,
Да встать бы мне к тискам.

Глядя на проплывающие облака, он думает: «может быть, от родного колхоза». Во сне его лицо просветляется «совсем не военной улыбкой». С тоскою смотрит солдат на луга, которые томятся ожиданием уборки.

Восприятие природы, представление этого человека связаны с миром труда, созидания, и все это находит художественное выражение в пейзаже, в поэтических образах.

Если бы Е. Наумов глубже раскрыл образы друзей мира в поэзии Маяковского, это позволило бы ему лучше показать и художественные черты «заграничных» стихов. Братское сочувствие поэта к простому человеку — многострадальному негру Вилли из «рай-страны» Гаванны — сказывается, между прочим, и в том, что поэт как бы встает на точку зрения своего героя, изображает мир его глазами (этим же приемом пользуется и Н. Тихонов в «Сами»). Зато с тем большей силой звучит в последних строках «Блэк энд уайт» голос самого поэта: Москва может ответить на «проклятые» вопросы, мучающие старого негра.

Нельзя сказать, что авторы вовсе не касаются вопросов художественного своеобразия, стиля, интонации, но чаще всего они ограничиваются здесь лишь отдельными замечаниями.

Из 14 статей сборника 9 посвящены поэтам. В сборнике нехватает статей о Федине, Леонове и других наших прозаиках. За пределами книги остались Твардовский, Исаковский, Маршак. А ведь наше представление о борьбе советской поэзии за мир было бы неполным без песен Исаковского, сатиры Маршака, без поэм Твардовского.

Подготовка сборника статей на такую важную и ответственную тему, как борьба за мир, требует более вдумчивого планирования и более тщательной подготовки всех материалов.

«Оружие мира». Литературно-критические статьи. «Советский писатель». Ленинград. 1951. 280 стр.

Иллюстрации к книгам, посвященным Советской Армии. На снимках (слева направо): работы художников Б. Маркевича к книге С. Скляренко «Путь на Киев» (Гослитиздат УССР), Б. Лебедева — «Генерал Доватор» П. Федорова («Молодая гвардия»), А. Васина — «Мирный город» Г. Березко (Воениздат), К. Кащеева — «Сказание о казаках» Д. Петрова (Бирюка) («Молодая гвардия»), А. Зегера — «Реки горят» В. Василевской (Воениздат) и В. Щеглова — «Школа» А. Гайдара (Детгиз)

Николай ТИХОНОВ

О Константине Федине

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

I.

Как быстро летит время! Давно ли горячо обсуждались новые главы, новые отрывки романа «Города и годы», шел спор о композиции романа, о судьбах его героев—и, оказывается, с этого времени прошло уже тридцать лет.

Роман этот занял свое прочное место в советской литературе, и каждое новое поколение читает его заново, и перед ним уже, как страницы почти древней истории, проходят картины жизни Германии, первой мировой войны, картины первых дней нашей революции, полные волнения, страстной борьбы, поисков будущего.

Нет уже той кайзеровской Германии и нет уже той, похожей на нее, гитлеровской Германии, и на земле старой Саксонии новые люди хотят жить мирной, обновленной жизнью. И среди маленьких городков, приютившихся у подножья тенистых холмов, лежит тот городок, который под именем Бишофсберга мы так хорошо знаем по роману.

Казалось бы, что в этом городке смешно спрашивать жителей, переживших огромные перемены за время, протекшее с 1914 года, о том, знают ли они о существовании романа, в котором — улицы и площади их городка, их отцы и деды, их нравы и их прошлые дни.

Но К. А. Федин хорошо помнит день, когда недавно он приехал в этот городок, просто потому, что его маршрут пролегал в этом направлении и он захотел воспользоваться этим и посетить места, связанные с воспоминаниями его молодости, давшие материал для романа.

И как же он был поражен, когда его встретили жители этого городка, как почетного, давно жданного гостя. Они не только давно расшифровали материалы романа, но любители исследовали все страницы, относящиеся к их городку и к его людям, и мало того, что они восстановили точные места, где происходили те или иные эпизоды, но рассказали автору про то, какая судьба постигла в дальнейшем людей, которые послужили прототипами героев романа.

В этой неожиданной, теплой встрече было что-то знаменательное, удивительно сочетавшее вымысел писателя и жизнь, в этой встрече было настоящее дыхание современности, потому что эти люди прочли роман сегодня по-новому, и не только то, что касалось жизни их городка, но прочли и о великой революционной борьбе советских людей, сокрушавших устои старого мира. Прочли не только с интересом, а прочли, как люди, строящие новую Германию, — демократическую, мирную республику.

«Города и годы» — первый большой роман К. Федина — сразу показал силу его писательского дарования.

Сложный, пестрый роман был произведением с недостатками, но произведением молодым, свежим, борющимся с обветшалой формой, борющимся за нового героя, положительного, революционного, хотя истолкование его было еще односторонним.

Федин рос как писатель большой темы, большого, упорного труда. Если взять первый его роман и последний, они образуют как будто мост, перекинутый через годы, но сближающий, как берега, события «Городов и годов» с событиями «Необыкновенного лета». «Первые радости» являются своеобразной подготовкой того грандиозного процесса, который во всем своеобразии будет изображен только на страницах «Необыкновенного лета».

«Похищение Европы» — произведение промежуточное, которое не могло решить самых важных вопросов, потому что оно по драматичности слабее сильной молодой романтики «Городов и годов» и, естественно, не могло иметь таких новых, тщательно и любовно выписанных героев, как Петр Рагозин и Кирилл Извеков. И в характере Рогова, столкнувшегося с послевоенным буржуазным миром и ощутившего его дряхлость, еще не было той убеждающей силы, какая увлекает нас в коммунистах «Необыкновенного лета».

Любопытно, что в романе «Города и годы» есть главы, где описываются дни обороны Петрограда от Юденича, т. е. осень 1919 года. «Необыкновенное лето» — лето 1919 года. Значит, действие романа происходит до событий, нашедших свое драматическое разрешение в «Городах и годах»: я хочу сказать этим, что, значит, все герои «Необыкновенного лета» уже действовали рядом с героями «Городов и годов». Как же существенно они отличаются друг от друга!

Ведь и жандармский подполковник Полотенцев, и авантюрист Зубинский, и драматург Пастухов, и пресловутый Мамонтов могли быть на страницах, где действуют Андрей и Рита, Курт и Голосов.

Извеков и Рагозин могли защищать революцию рядом с Семеном Голосовым в эпических боях, так прекрасно изображенных в романе «Необыкновенное лето».

Да, могло быть, но это было еще недоступно Федину в начале его пути. От изображения первых коммунистов в «Городах и годах» до изображения ведущих героев «Необыкновенного лета» лежал путь немалый, путь совершенствования и познания действительности, путь писательского движения в высоту, путь накопления такого опыта, который позволил создать монументальное произведение, довести его до самого сильного, самого ответственного момента — встречи рядового солдата революции Извекова с вождем всех революционных сил, с гением революции — великим Сталиным.

Много различного рода бытовых и военных сцен в «Городах и годах», но изобразительное богатство «Необыкновенного лета» совсем другого рода.

В «Необыкновенном лете» мы видим зрелого мастера, щедро и вместе с тем с большим отбором ведущего линию, которая пересекает удивительно разнообразные, многочисленные сцены самого разного наполнения, и так богат автор, так верен правде, что он не боится ни длиннот, ни быстрой смены впечатлений. Он владеет пером в своей манере безошибочно.

Его изобразительность предельно отчетлива, его наблюдательность верна, его память воссоздает самые мелкие подробности виденного им много лет назад.

Он смело выводит своих персонажей, и каждый из них живет своей отдельной, не похожей на других жизнью, со своим собственным языком, привычками, особенностями.

Этих действующих лиц целые толпы. Тут и люди старого мира, и люди колеблющиеся, и прямые враги революции, и просто загнанные в тупик драматическими обстоятельствами. Если взять их список по профессиям, то тут богатство выбора небывалое для одного романа: чиновники, интеллигенты, артисты, офицеры старой армии, купцы, служащие, крестьяне, солдаты, монахи, бродяги, кулаки.

Но зато и лагерь революции представлен с большой силой, выписан тщательно, любовно, и новизна этих характеров на фоне времени особенно впечатляюща.

Все события романа объединены темой партии — великого организатора побед Октября. Она проникает в действие, она насыщает события, она живет в том перевороте, с которым кончается вековой застой жизни народа, в том новом, за что ведется ежедневная, кропотливая и героическая борьба в городе и деревне.

Федин является в этом романе писателем, разрешившим важнейшую задачу показа событий такого масштаба, какой под силу только выдающемуся таланту.

2.

На съезде советских писателей в 1934 году К. Федин говорил о том, что «большие вопросы действительности стали тематической задачей нашей художественной прозы».

Мы видели, что эти вопросы получили свое разрешение в творчестве К. Федина самым достойным художественным способом. «Мы должны учиться писать, товарищи писатели, — тогда же сказал он. — Потому что наши декларации слышала вся страна, весь мир. И вся страна, весь мир требует теперь от нас дела».

К. Федин учился долго и много. И он выучился писать так, что его книги можно читать, не пропуская строк, не следя только за движением сюжета, за похождениями героев. Вы с удовольствием читаете каждую фразу, потому что это высокая, чистая русская речь, передающая предельно точно, со всеми оттенками и живописностью, задуманное автором.

И когда вы медленно читаете, вы видите перед собой не упоминание о пейзаже, а вы входите в этот пейзаж, становитесь в положение действующих лиц, сливаетесь с их ощущением мира.

«Осенние краски уже заметно вкрапились повсюду, но еще не пересилили общего землисто-зеленого фона. Трава оживилась после мокрых дней, вдруг по-майски налившись изумрудом. На ее сверкающих лужках особенно выпукло виднелись желтые лапы кленов. На черемухе одиноко вспыхивали от солнца прозрачно малиновые, повисшие, как капли, листья. Перерытая земля огородов была лилова, а рядом с ее устало-спокойным цветом буйно отливали перламутром кудлатые гряды капусты.

Все эти отдельные пятна потерялись в неудержимом размахе пространства, едва Кирилл взял подъем изволока и, сидя в седле, оглянулся назад».

И для передачи внутреннего волнения Федин умеет найти именно те слова, которые лучшим образом доносят до вас происходящее.

«С момента, когда Кирилл бросился на помощь упавшему с лошадью кавалеристу, его праздничное возбуждение превратилось в острое чувство участника этого марша в карьер. Он как будто не смотрел на мелькание эскадронов, а сам летел на незримом взмыленном коне в гуще армии. Разница была разве в том, что любой из бойцов проносился перед народом только один раз в строю своего эскадрона, а Кирилл несся своим сердцем в каждом эскадроне и чуть не в каждом бойце. Ему было жарко, он горел и задыхался».

Прекрасный мастер русской советской прозы, К. Федин находится сейчас в расцвете творчества. Ему по силам все, что он задумает изобразить, потому что мы видели уже на примере последнего романа, что он достиг наибольшего мастерства в изображении людей и событий.

И если образный мост от «Городов и годов» перебросился через время замечательным завершением его в «Необыкновенном лете», то мне кажется, что от несовершенного, не раскрывшего все тематические высоты романа «Похищение Европы» может протянуться мост к новому роману о Западе, тему которого сегодня мог бы с блеском и глубиной раскрыть К. Федин, который не только хорошо знает этот материал, но и владеет в совершенстве методом социалистического реализма.

К. Федин прошел большой, трудный путь писателя, и мы видим, что этот путь привел его к новым, невиданным возможностям. Я писал в свое время, в статье о «Необыкновенном лете»: «Начинаясь как бы в туманных очертаниях, роман кончается огромным, светлым, победным звучанием грядущего».

Мне кажется, что так можно сказать и обо всем творческом пути замечательного писателя. Разве тридцать лет назад не начиналось это творчество в туманных очертаниях первых произведений, где эпоха смутно, в контрастах вырисовывалась перед читателем, и разве последний роман не говорит о том простере, который открылся сегодня перед исполненным сил писателем, о котором еще Горький сказал: «Он из тех, кто не спешит сказать свое слово, но кто умеет сказать хорошо!».

Мы гордимся многими писательскими талантами, мы гордимся ими, как людьми нового, социалистического общества, призванными в борьбе за коммунизм подымать нашу литературу на новые высоты изобразительной силы, высокого, идейного воздействия. Среди этих любимых советскими читателями имен мы находим и имя Константина Александровича Федина, писателя-патриота, советского гуманиста, борца за мир!

В писательских организациях

★ Творческие секции и комиссии Союза писателей Украины за последнее время несколько усилили свою работу. Секция прозы обсудила роман А. Головко «Артем Гармаш»; комиссия по драматургии — новую редакцию либретто оперы «Богдан Хмельницкий» В. Василевской и А. Корнейчука, пьесы Е. Кравченко «Симфония счастья» и В. Суходольского «Арсенал»; секция поэзии — поэму П. Дорошко «Городок» и книгу стихов Л. Забашты; комиссия по детской литературе— книгу Л. Компаниец «У всех у нас дела»; объединенное собрание двух секций—прозы и очерка обсудила новые очерки о великой стройке на Днепре. Бездействует лишь одна комиссия — по теории литературы и критике.

★ Итоги творческой работы чувашских писателей обсуждались на общегородском собрании литераторов Чебоксар. В минувшем году вышли роман «Деревня в ветлах» К. Турхана, повести «Большая честь» А. Медведева, «Красная звезда» А. Артемьева, сборники рассказов С. Асланa, В. Урдаша и Ф. Уяра и др. Однако, как отметило собрание, в произведениях чувашских писателей еще не нашли полнокровного отражения главные темы нашей современности, невысок уровень художественного мастерства, литературная критика попрежнему отстает от общего уровня развития чувашской советской литературы. Собрание указало, что отдельные писатели (Н. Данилов, К. Чулгась и др.) за последние десять лет не написали ни одного произведения.

★ В секции прозы Ленинградского отделения ССП состоялось обсуждение исторического романа-трилогии Е. Федорова «Каменный пояс», вышедшего в Лениздате. Трилогия получила положительную оценку. Одновременно автору указали на ряд недостатков его произведения.

НА ЯЗЫКАХ БРАТСКИХ НАРОДОВ

БАКУ. (Наш корр.). В 1952 году издательства Азербайджана выпустят около восьмисот названий книг общим тиражом 7.500 тысяч экземпляров. Видное место в плане издательств занимает художественная литература.

В этом году читатели получат очередные тома собраний сочинений М. Ахундова, Н. Везирова, сборники М. Вагифа и К. Закира. Издаются поэмы и стихи С. Вургуна, М. Рагима, Р. Рза, новый роман «Утро» М. Гусейна, второй том эпопеи «Шамо» С. Рагимова и другие.

Заканчивается издание шеститомника сочинений А. Пушкина. Будут изданы первые три тома юбилейного издания сочинений Н. Гоголя. Выйдут также «Рудин» И. Тургенева, «Обломов» И. Гончарова, «Дело Артамоновых» М. Горького. Будут переведены и изданы на азербайджанском языке «Первые радости» К. Федина, «Жатва» Г. Николаевой, «Свет в Коорди» Г. Леберехта, «Седьмой крест» А. Зегерс, второй том «Американской трагедии» Т. Драйзера и ряд других произведений.

Значительно увеличивается выпуск детской литературы, предусматривается издание около 1.500 тысяч экземпляров. Выйдут книги о юношеских годах В. И. Ленина и И. В. Сталина, очерки о странах народной демократии, о жизни молодежи зарубежного Востока.

Выйдут также новое издание «Молодой гвардии» А. Фадеева, стихи В. Маяковского, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, рассказы А. Гайдара и другие книги.

***

РИГА. (Наш корр.). Латышский читатель получил на родном языке ряд книг писателей стран народной демократии и Германской Демократической Республики. Вышли в свет: «Слово перед казнью» Ю. Фучика, романы М. Пуйманової «Игра с огнем» и «Люди на перепутье», Я. Дрда «Немая баррикада», роман польского писателя Ю. Путрамента «Действительность», «Седьмой крест» Анны Зегерс, произведения Вилли Бределя и другие. Литература нового Китая представлена рассказами Чжао Шу-ли «Перемены в Лицзячжуане».

Друзья и враги Виктора Гюго

Пьер АЛЬБУИ

Спросите во Франции любого простого человека: «Кто самый великий французский поэт?». В ответ вы услышите: «Конечно, Виктор Гюго!». И если вы станете допытываться: «почему», он постарается вам разъяснить, что Виктор Гюго был народным поэтом, или, другими словами, был не только великим поэтом, но и великим общественным деятелем человечества.

Задайте теперь тот же вопрос буржуазному профессору или буржуазному литератору. Они замнутся и, может быть, все же кончат признанием, что Виктор Гюго — самый великий французский поэт. Но профессор вам будет затем пространно объяснять величие Гюго тем, что он преуспел во всех жанрах, или тем, что его воображение поистине не имело равного, или, наконец, тем, что он был блестящим версификатором.

Буржуазный писатель выскажется более таинственно. Он упомянет о «загадочности» Гюго.

Профессора или литературные критики увлекут вас в лабиринты пустословия, и не просите у них нити Ариадны, которая позволила бы вам выбраться из этого лабиринта, потому что никто из них этой нитью не обладает. Этой нитью обладает простой человек из народа. И он укажет вам дорогу к подлинному Гюго так же, как любой прохожий, если вы впервые оказались в Париже, указывает вам, как пройти самым коротким путем к Собору Парижской богоматери или к Триумфальной арке. А подлинный Гюго—это, действительно, близкий всем нам памятник, который виден из любого конца нашего города, особенно со стороны некоторых бульваров, находящихся в рабочих районах, где не встретишь янки-оккупанта, как, например, со стороны Бульвара д'Опиталь в тринадцатом округе (округе Андрэ Марти), где жили Жан Вальжан и Козетта.

Не видеть главного—гигантского усилия Гюго стать поэтом народа и глашатаем его надежд, — значит отказаться от понимания его творчества и лишиться самой возможности объяснить его противоречивые аспекты или особенности.

Безмерная добрая воля, неукротимое стремление к свету, миру, свободе, чести, огромная надежда и даже утопизм Гюго, проистекавший из его благородства, невыносимы для буржуазии. Гюго клеймит ее позором, и потому она издевками пытается дискредитировать поэта. Отсюда насмешки и мистификации и, во всяком случае, неспособность понять и оценить творчество Гюго. Гюго никогда не получал должной оценки в буржуазной критике, потому что ее рамки слишком узки для него. Дверь, в которую, не сгибаясь, проходит господин Тьер, низка для этого человека.

Если мы отмечаем непризнание Гюго буржуазной критикой, то отнюдь не в том смысле, что речь идет о непризнании, так сказать, «количественном». Различных исследований о Гюго сколько угодно. Следует говорить о «качественном» непризнании Гюго. И в этом отношении нужно различать несколько степеней. Прежде всего есть люди, ненавидящие Виктора Гюго. Речь идет в первую очередь о клике Шарля Морраса, этого проходимца из реакционного объединения «Аксьон франсез», монархиста и коллаборациониста. Это он бросил пресловутую фразу о «дурацком девятнадцатом веке», ненавистном реакции потому, что этот век начался французской революцией, знаменовавшей зарю демократии.

Вслед за нацистом Моррасом некий Жорж Бато в 1934 году выпустил в свет книгу, кощунственно озаглавленную «Виктор Гюго, верховный жрец демагогии». Произведения Гюго, заявляет он, состоят «из рассуждений, недоступных нормальному человеческому пониманию», или «бредового набора напыщенных слов».

Эта «критическая» выходка имеет своей основой определенную политическую позицию. Так, собрат Жоржа Бато, критик Тьери Мольнье отрицает за поэтом и поэзией право иметь что бы то ни было общее с народом. По его мнению, поэт—человек, чья сфера—«чистый» язык, в котором слово «нищета», например, может означать что угодно и иметь любой смысл, кроме того, который придает ему пролетарий, когда он видит пустые тарелки перед своими детьми, усевшимися обедать, и который вкладывал в это слово Гюго, когда он говорил: «Я принадлежу к тем, кто думает и утверждает, что можно уничтожить нищету».

Но услышав, что мы упоминаем о тарелках, когда речь идет о поэзии, господин Тьери Мольнье назовет нас тупицами. Вернемся же поэтому к «подлинным» поэтам, например, к Полю Клоделю, члену Французской академии и акционеру треста «Гном э Гаррон», которому никогда не мешала спать нищета. В статье, опубликованной в архиреакционной газете «Фигаро» 7 января 1947 года, Поль Клодель изъявляет свою радость по поводу того, что немцы сняли статую Виктора Гюго в Париже, чтобы отправить ее на литейный завод. Он, видите ли, находил ее безобразной. После нескольких шутовских выходок он возвращается к серьезному тону и произносит о Гюго следующее суждение: «Виктор Гюго занимает почетное место в антологиях, но что до меня, то я посоветовал бы читателю ограничиться чтением одного абзаца, страницы или самое большее — двух».

А несколько дней назад, отвечая на анкету о Гюго, проводимую грязной бульварной газеткой РПФ «Либерте д'эспри», Поль Клодель преподнес читателю исполненную невыразимой подлости тираду: «В голове у Виктора Гюго—сумбур. Он скорее щедр, чем сердоболен. Он честен по своей природе, но исковеркан почти полным отсутствием религиозного воспитания и неблагоприятными обстоятельствами».

Обычно буржуазная критика пользуется «менее грубыми» приемами опорочивания Гюго. Она отделяет поэта, которого провозглашает великим, от политического деятеля, о котором заявляет, что он достоин сожаления. При этом политическую позицию поэта объясняют часто увлечением, тщеславием или даже просто, говоря языком буржуа, «политикой». Под этим определением подразумевается некий пагубный порок, вроде алкоголизма, некая болезнь века, способная даже самых лучших людей довести до эксцессов. Вот этой болезнью, к сожалению, утверждает буржуазная критика, и заразился Виктор Гюго.

Такими низкими приемами фальсифицируется облик Гюго-республиканца, Гюго-антиклерикала, ставшего в 1869 году на сторону бастующих горняков, боровшегося против версальских палачей в 1871 году.

Приведу два примера, довольно типичных для мелкобуржуазного филистерства. Профессор Пьер Одиа, ведущий литературную хронику в газете «Монд», заканчивает свою статью «Так жил Виктор Гюго» следующими словами: «Прошло много лет, но Виктор Гюго не отошел в ту безмятежную область, в которой все великие люди становятся чистыми и прозрачными. В этом частично виноват он сам. Оставайся он на той вершине, на которой всегда должны находиться не только люди искусства, но и мыслители, он бы скорее достиг той сферы, в которую не проникают никакие человеческие бури.

Таким образом, «занимаясь политикой», вздыхает почтенный профессор, Гюго себе испортил покой в вечности, покой, который без этого мог бы быть таким безоблачным.

Другой философ, господин Луи Гембо, в конце своей небольшой работы о «Восточных мотивах» негодует: «С годами Виктор Гюго все глубже и глубже погрязал в «социальном искусстве», которое в своей основе — ерунда. Несчастный отец, изгнанник, полный величия, и вечно прекрасный поэт, он начинает говорить языком школьника, как только погружается в такие знаменитые темы, как «вечный прогресс», «мир во всем мире» или «всеобщее братство».

Буржуазную критику раздражает, бесит Гюго-политик и его невероятное упорство в стремлении стать народным поэтом, выполнить социальную функцию поэта. Она не может не сознавать, что еще при жизни Гюго его поэзия принадлежала народу. А с тех пор буржуазия все больше и больше теряла способность творить какие бы то ни было культурные ценности, подлинные произведения искусства. Только народ, только рабочий класс способен спасти нашу культуру и возродить ее. С 1850 года Виктор Гюго мертв для буржуазии и живет лишь в сердце народа*. Великий поэт и патриот чувствовал это и видел в этом свою подлинную славу.

ПАРИЖ, 22 февраля. (По телеграфу)

* 1850 год — год подготовки крупной французской буржуазией контрреволюционного переворота Наполеона III; Виктор Гюго показал себя в этот период последовательным защитником республики и демократии. (Прим. ред.).

Непризнанное искусство

Бор. ГОРБАТОВ

Всякий, кто побывал на художественной выставке 1951 года, не мог не заметить и не порадоваться появлению на ней замечательного дебютанта: впервые на художественной выставке был показан отдел цветной художественной фотографии.

Родился новый вид изобразительного искусства.

После выставки 1951 года об этом уже не приходится спорить. Кто видел индустриальные этюды В. Шаховского, превосходные лирические пейзажи М. Грачева, проникновенные портреты Г. Вайля, композиции Д. Бальтерманца, серию «Пушкинские места» И. Шагина, «На колхозном хлопковом пункте» Ибрагима Барамыкова, «Невский проспект» Л. Зиверта, «Москву вечером» Н. Петрова, «Телятницу» Елизаветы Игнатович, работы О. Кнорринга, М. Редкина, Я. Рюмкина, Г. Санько, С. Фридлянда, А. Гаранина, Я. Халипа и многих других,—тот не может не признать их произведениями подлинного искусства. Глядя на них, мы меньше всего восхищаемся техникой фотографии. О технике просто забываешь. В этих произведениях мы видим все признаки искусства: тут есть идея, замысел, тема, композиция, мастерство. Здесь явственно проступают идейные установки художника, его творческое отношение к действительности, его индивидуальность, его собственный почерк, его стиль. Эти произведения волнуют, трогают, умиляют, наполняют вашу душу гордостью за нашу прекрасную Родину, за наших красивых советских людей, заставляют вас восхищаться, думать, спорить, смеяться, радоваться — то есть дают вам все те эстетические переживания, какие вызывает всякое настоящее произведение искусства.

Цветная художественная фотография в строю наших изобразительных искусств, таким образом, смело и уверенно становится рядом с живописью. Только очень далекие от искусства люди могут вопить — в экстазе или в отчаяньи, что цветная художественная фотография будто бы убьет или заменит собою живопись. Это — вреднейшая чепуха!

Художественная фотография никаким образом не может конкурировать с живописью, а должна развиваться в своих собственных средствах и возможностях, выполняя свои собственные задачи.

В этом больше всего убеждает нас сама выставка 1951 года. На наш взгляд, успехи и неудачи отдельных экспонированных там произведений художественной фотографии — знаменательны. Там, где фотограф-художник шел от особенностей своего жанра — документального по самой природе своей, могущественного именно своею непререкаемой достоверностью, отличающегося оперативностью, позволяющей фотографу мгновенно запечатлевать неповторимые события и факты нашей жизни, взятой как бы внезапно, врасплох, во всей своей прекрасной правде, — там мастер одерживал победу. Там же, где он инсценировал жизнь, приукрашал ее, одевал в сусальное золото, или там, где он старался непременно работать «под живопись», — там он неизбежно терпел крах. Показательны в этом смысле «фотографические натюрморты». Натюрморт у живописца — произведение искусства, передающее собственное, художническое видение вещей. Фотографический же «натюрморт» выглядит лишь, как страница из прейскуранта фруктового магазина. Так сам жанр мстит за измену ему.

Как и все пионеры нового дела, художники-фотографы похожи сейчас на разведчиков. Они прокладывают новые тропинки, они ищут выходов на большие дороги, они нащупывают границы своего искусства, устанавливают локтевую связь с соседями. Еще многое надо разведать в этой новой области. О многом надо поспорить, посоветоваться.

Казалось бы, сейчас, после дебюта на художественной выставке 1951 года, как раз и приспело время для такого разговора о судьбах и путях цветной художественной фотографии. Можно было ожидать обсуждения итогов выставки, могла возникнуть дискуссия. К сожалению, этот разговор не состоялся. Не состоялся он ни в Союзе советских художников, ни в Комитете по делам искусств.

Выступая в Доме художника с большим обзорным докладом об итогах Всесоюзной художественной выставки 1951 года, начальник Главизо тов. Сысоев ни единым словом не обмолвился о целом разделе выставки—об отделе цветной художественной фотографии. В своей статье «За высокую идейность и художественное мастерство», посвященной выставке («Советское искусство», 20 февраля), тов. Сысоев также даже не упомянул о цветной фотографии.

Позиция тов. Сысоева, таким образом, состоит в том, что он не считает художественную фотографию искусством, не находит нужным обсуждать творческие вопросы, связанные с ее развитием.

Возможно, такая позиция делает честь несокрушимому характеру тов. Сысоева. Но делает ли она ему честь, как руководителю? Кто же будет заботиться о судьбе искусства цветной художественной фотографии, если не Главизо?

Комитет по делам искусств, поместив художественную фотографию на выставке 1951 года, сделал, разумеется, большое дело. Отдел цветной фотографии был организован хорошо. Он имел успех. Его посетили тысячи москвичей. Их отзывы — лучшее доказательство необходимости, жизненности и действенности такого раздела на выставке, как советская цветная художественная фотография.

Казалось бы, теперь только и надо, как говорят военные, «развивать успех». Казалось бы, уже сейчас, заботясь о выставке 1952 года — года тридцатипятилетия установления советской власти, надо подумать и о будущем разделе цветной фотографии. Следовало бы составить тематический план, дать задания мастерам, лучших из них направить в творческие командировки.

Однако в этом направлении ничего не делается. Попрежнему фотографы-художники предоставлены самим себе. Никто их не организует, не объединяет. Они разобщены. У них нет своей творческой организации. Ими никто не руководит. Больше того: до сих пор не решено даже — где, в каком творческом коллективе найти место художникам этого нового, но уже доказавшего свою жизнеспособность вида изобразительного искусства.

В Комитете по делам искусств намекают, например, что этим делом не худо бы заняться... Министерству кинематографии. Почему? По какой логике? Да просто потому, что у художников-фотографов есть аппарат и пленка и у кинематографистов есть киноаппараты и пленки. Но киностудии Министерства кинематографии есть прежде всего художественные и производственные коллективы, объединенные вокруг создания фильмов. Ну, где же тут место мастерам фотографии? При чем они тут?

Другие отсылают фотохудожников в... Центральный дом журналиста. Там, действительно, есть небольшое фотообъединение. В него входят фоторепортеры — работники московских газет. У этого коллектива есть свои, типично-журналистские, производственные и учебные задачи. Но в фотообъединение входят только москвичи. Естественно, оно не может, да и не должно стать центром развития советской художественной фотографии.

Проще всего было бы, казалось, направить фотохудожников к их ближайшим соседям по искусству, к тем, с кем они— локоть к локтю мирно соседствовали на выставке, — в Союз советских художников. Так же, как очеркисты или писатели научно-художественного жанра на равных правах со всеми другими литераторами давно уже входят в Союз советских писателей (имея в составе его свои секции), так же, на тех же правах, и по той же, оправданной жизнью логике, и фотохудожники могут и должны входить в Союз советских художников.

Окрыленные своим успехом на Всесоюзной выставке, мастера художественной фотографии смело толкнулись в двери оргкомитета Союза советских художников. Но здесь им любезно разъяснили, что двери перед ними не растворятся. Ибо... это «не предусмотрено уставом Союза».

Да, вот именно такой ответ и получили фотохудожники от своих ближайших соседей по искусству: «не предусмотрено уставом».

Нам думается, однако, что этот ответ свидетельствует не столько о верности оргкомитета ССХ своему уставу, сколько о пренебрежительном отношении его к молодому и новому искусству советской художественной фотографии. Нам кажется, что пришло уже время это отношение пересмотреть.

Думается, что и Комитет по делам искусств и прежде всего его Главизо должны изменить свое отношение к искусству фотографии. В ведомственных дрязгах и вспышках административной амбиции нельзя губить живое, новое дело.

Советская художественная фотография есть одно из замечательных средств наглядной пропаганды красоты, поэзии и правды нашей жизни. Наряду с живописью, но своими средствами, она призвана правдиво, документально отражать величие нашей эпохи, радостную жизнь наших людей, воспитывать в них любовь к Родине и родной природе, эстетический вкус и чувство красоты.

Успех выставки 1951 года неоспоримо свидетельствует о том, что советское искусство фотографии находится на верном пути. Сейчас нужно только убрать все, что мешает развитию фотографии, — и тогда можно не сомневаться в том, что следующие выставки продемонстрируют новые достижения замечательного, действенного, нужного нашему народу искусства художественной фотографии. Этим необходимым делом должен заняться Комитет по делам искусств.

Научная сессия, посвященная В. Гюго

24 февраля в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР открывается научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения великого французского писателя Виктора Гюго. После вступительной речи академика Е. Тарле будут прочитаны доклады: «Великий французский писатель В. Гюго» В. Николаева; «В. Гюго и французское революционное движение XIX в.» Ю. Данилина; «В. Гюго — публицист» М. Трескунова; «В. Гюго и современная Франция» Е. Евниной; «Русские писатели о В. Гюго» М. Яхонтовой; «В. Гюго и советская культура А. Пузикова.

Сессия продлится два дня. В ее работе примет участие французский писатель Поль Элюар.

ВОИН-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Иштван ХАЙДУШКА,
редактор венгерской газеты «Непхадшерег» («Народная армия»)

Картина изображает старую, разрушенную комнату. На разостланной на полу постели лежит ребенок с перевязанной рукой, из-под заплатанного одеяла виднеются его босые ноги. Около ребенка сидит сестра с цветами в руках. Взгляд ее обращен к открывшейся двери, у порога которой стоит советский солдат с развевающимся красным знаменем в руке. На ветхой стене комнаты большими буквами написано: «Мир!!! Да здравствует Советская Армия!».

Эта картина написана акварелью учеником седьмого класса средней школы города Будапешта. Ему было шесть лет, когда героические воины славной Советской Армии ценой больших жертв принесли свободу трудящемуся народу Венгрии. С тех пор прошло семь лет. Но память об исторических днях освобождения неизгладима. Произведение маленького художника — живое тому свидетельство.

Освобождение Венгрии и образ советского воина неотделимо живут в сердце нашего народа, который любит и строит свою социалистическую Отчизну. И как строит! Прошло лишь семь лет после того, как Советская Армия освободила нас от многовекового рабства, а за этот короткий период Венгрия с помощью Советского Союза проделала путь, равный десятилетиям. И все замечательные события этих чудесных лет неизменно заставляют нас обращаться к прекрасной картине освобождения — первопричине счастья венгерского народа. Снова и снова думы наших матерей, отцов и детей обращаются к историческим дням февраля 1945 года.

«...И тогда, когда все уже думали, что больше не вынесут, — пишет в своем сочинении гимназистка Жужанна Фарнади, — пришли они, наши освободители, славные, героические, великие, дорогие сыны Сталина. Я хорошо помню, как впервые увидела советского солдата. Я приветствовала его несколькими заранее выученными русскими словами. Он поднял меня и расцеловал... Другой солдат играл мне на гармонике. Играл так весело, что я не могла удержаться от желания танцевать. И он подарил мне этот дорогой инструмент. Он всегда делился с нами, изголодавшимися тогда ребятишками, хлебом. Вот каким я полюбила советского воина. Теперь мне уже 14 лет. И я знаю, все советские люди — добрые, благородные друзья наши. Настоящие друзья во главе с великим Сталиным! И мне хочется сказать:

— Я люблю тебя, советский солдат! От всего сердца спасибо тебе. Со мною вместе любит и благодарит тебя каждый честный трудящийся Венгрии. Ты принес нам самое дорогое в жизни — свободу. Честным трудом, железной волей, упорным старанием мы сохраним и защитим полученный от тебя бесценный дар!».

Таковы чувства венгерского народа к советскому воину.

...Вот мудро и плавно ведет свое повествование шестидесятидвухлетний крестьянин-сказитель Ласло Тот:

Кому ты обязан, что у народа
Сбылись его вековые мечты?
— Солдатам великой страны свободы,
Советской Армии, — отвечаешь ты.
Ты, не имевший простого крова,
Отчизну не мог получить в наследство.
А теперь у тебя есть конь и корова,
И есть возможность одеться.

Все, что ты видишь — поля и реки,
И ясный — в звездах весь — небосвод,
Все это стало твоим навеки,
Нет над тобою былых господ.

Все, что ты видишь — леса и недра,
Необозримый простор вокруг,
Все это нынче оплатит щедро
Работу твоих натруженных рук.
Кому ж ты обязан за счастье это,
Кто спас твою Родину от нищеты?
— Солдаты великой страны Советов,
Советская Армия, — отвечаешь ты.

Рыбаки на Тиссе в тихие погожие вечера около костров повторяют старую венгерскую народную сказку и слушают ее с увлечением, потому что народное творчество превратило ее героя — Красного великана — в советского воина, изгнавшего чудовищ, которые завладели венгерским домом. И глубоко в сердце освобожденного венгра запали слова старой сказки тисских рыбаков: «Будь осторожен, чтобы в твоем доме не поселились еще раз эти чудовища».

Нет, не поселятся! Венгерский народ вкусил свободу и почувствовал свою силу. Он знает, какое бесценное сокровище получил от советских бойцов, и бережет его, как зеницу ока.

Советский солдат, советский человек для нас — это не только освободитель, но и пример патриотизма, образец вдохновенного труда и творческого дерзанья.

В одной будапештской школе дети в своих сочинениях отвечали на вопрос, кого они считают своим идеалом. Многие называли отцов — последователей советских стахановцев, Шандора Петефи, известных спортсменов, артистов, великих путешественников. Большинство же детей хотели быть похожими на советских героев Великой Отечественной войны.

«Моим идеалом, — читаем мы у одного школьника — являются герой «Молодой гвардии» Олег Кошевой и его друзья. Их храбрость, ясность мысли, отвага, любовь к своему народу вызывают восхищение».

Семиклассница заявила, что хочет быть похожей на Зою. «Я потому считаю ее образцом для себя, что она предпочла смерть предательству. Я хотела бы быть такой же смелой». Другая ученица написала: «Зоя — мой идеал, так как она пожертвовала своей жизнью за нашу жизнь».

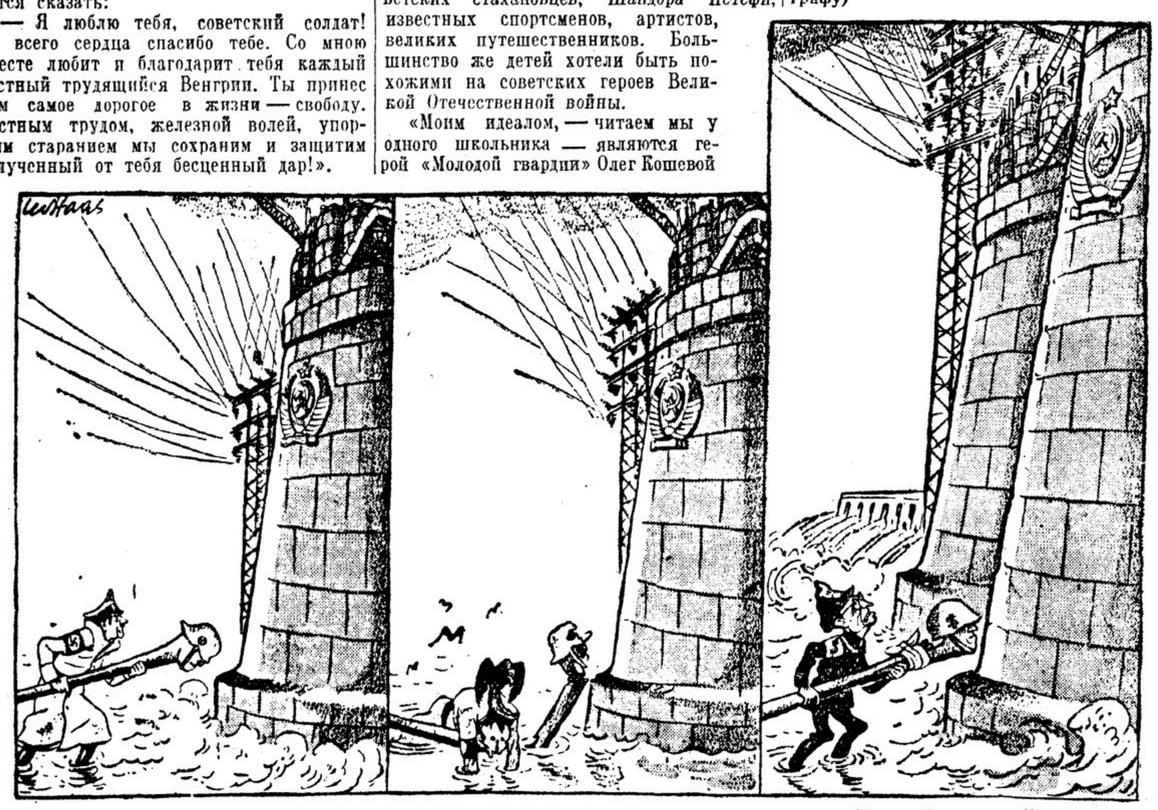
Солдаты венгерской Народной армии учатся у советских воинов. Жизнь и героизм Матросова, Гастелло, Маресьева и других неустрашимых сынов советского народа вдохновляют венгерских солдат на упорство в боевой и политической подготовке, учат бдительности. Наша газета получает немало писем, свидетельствующих об этом. Венгерские пограничники, зорко охраняя родину от империалистических лазутчиков, проявляют инициативу и отвагу при несении службы. Они думают при этом о советских воинах, которые, не щадя сил, освобождали человечество от фашизма. Младший лейтенант Янош Ф. сообщает в письме в редакцию:

«...Ночью скрылась луна, начало сильно подмораживать болотистую местность. Бойцы, выполняя задание по охране границ, чтобы выиграть время, направились через скованное морозом болото. Но лед был непрочным, трещал, и мы каждую минуту рисковали погрузиться в воду. Как быть? Мне вспомнился пример одного советского солдата, который в таких же условиях принял смелое решение. Он грудью лег на лед, пополз по его хрупкой пленке и благополучно добрался до цели. Я решил сделать то же самое и пополз по непрочному льду. Солдаты последовали за мной. Мы выполнили задание».

Мы живем в прекрасное время. Оно наполняет наш сегодняшний и завтрашний день уверенностью и радостью. Счастье моей Венгрии стало возможным благодаря героическим советским солдатам, славным сынам великого Сталина.

Венгерские трудящиеся окружают вечной любовью могилы погибших за нашу свободу и счастье советских героев. Память о них призывает всех нас неутомимо трудиться, укреплять родину, бороться за мир. В этом нашем труде мы будем достойными советских людей.

БУДАПЕШТ, 22 февраля. (По телеграфу)



Попытка Гитлера... ...и что из нее получилось. Мечты Трумэна и К°...

Рисунок Л. Гааса из чехословацкой газеты «Руде право»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Французская газета «Се матэн—Ле пэй» в номере от 18 января 1952 года поместила краткое сообщение из Соединенных Штатов Америки:

CE MATIN
Le PAYS

... unies s'est rendue sur les lieux pour enquêter.

Le communisme cas de divorce

Los Angeles, 17 janvier. Il résulte d'un jugement qui vient d'être prononcé à Los Angeles que la sympathie d'un mari ou d'une femme pour l'idéologie communiste constitue, pour son conjoint, un motif valable de divorce.

M. John Breathed a déclaré au tribunal que sa femme avait exprimé à plusieurs reprises des opinions communistes et qu'elle assistait fréquemment à des meetings d'extrême-gauche. Le divorce lui a été accordé.

TOUJOURS EN TETE

«Лос-Анжелос, 17 января.

Из приговора, только что вынесенного в Лос-Анжелосе, следует, что симпатия к коммунистической идеологии мужа или жены является достаточным основанием для расторжения брака по требованию одного из супругов.

Джон Брисд заявил в суде, что его жена неоднократно высказывала коммунистические взгляды и часто посещала собрания лиц, придерживающихся крайне левых убеждений. Суд дал согласие на развод».

Подготовка к гоголевским дням в Болгарии

С особой торжественностью и любовью готовится болгарский народ отметить столетие со дня смерти великого русского писателя Н. В. Гоголя. Подготовка к этой дате началась еще в первой половине февраля, когда состоялось расширенное совещание представителей массовых, общественно-политических и молодежных организаций, культурных институтов и учреждений столицы, на котором был создан Всенародный комитет по проведению гоголевских дней.

В связи с гоголевскими днями Союз болгаро-советских обществ организовал в Софии большую выставку, посвященную жизни и творчеству гениального писателя. Такие же выставки будут открыты в ближайшее время в Пловдиве и Русе. Центральный совет Союза болгаро-советских обществ издал большим тиражом брошюру «Н. В. Гоголь». Организуются также специальные гоголевские выставки, которые будут направлены во все крупные центры страны.

На многочисленных курсах русского языка отводятся специальные часы для чтения произведений Гоголя в подлиннике.

Деятельно готовится к гоголевским дням Главная дирекция кинематографии и Главная дирекция радиовещания. Софийское радио уже организует специальные гоголевские передачи, во время которых выступают крупнейшие болгарские писатели, литературоведы, артисты, деятели культуры.

Наряду с театрами, подготавливающими к знаменательной дате постановки комедий Гоголя «Ревизор» и «Женитьба», гоголевские программы готовят сотни коллективов сельской художественной самодеятельности.

По решению Центрального совета Союза народных читален, в ознаменование 100-летия со дня смерти великого русского писателя Н. В. Гоголя его имя будет присвоено одной из лучших читален страны.

Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ — **ФЕЛЬЕТОН**

Вымогательство крови

Бывший министр обороны США Джордж Маршалл перед уходом в отставку рявкнул на всю страну: «Крови жажду!».

Мы имеем в виду его выступление по американскому радио и телевизионной сети 10 сентября прошлого года, когда генерал потребовал, чтобы каждый гражданин Соединенных Штатов дал к следующему лету три пинты, иначе говоря, около полутора литров своей крови.

Что случилось? Почему вдруг Маршалла обуял столь острый приступ кровожадности?

Оказывается, армия янки-интервентов, основательно побитая в Корее, «полностью истощила» запасы кровяной плазмы... И Маршалл поставил боевую задачу: достигнуть на первое время сбора среди гражданского населения 300.000 пинт крови в месяц, а затем «во что бы то ни стало развертывать усилия дальше». «Доноры должны давать кровь неопределенно долгое время», — заявил он.

«Крови жажду!» — разносится истерический клич по Америке. Стальная игла занесена над каждым американцем. Стратегическая операция по выкачиванию крови из населения разворачивается по плану, выработанному в Пентагоне.

В городе Кетчикэн на Аляске эмиссар Красного креста Уилфорд Грин взобрался на тотемический столб, оставшийся от полудикого племени идолопоклонников, выставил огромный плакат: «Я хочу крови» и заявил, что не спустится вниз, пока местные жители не сдадут назначенную для них квоту крови.

Мы не знаем, выполнили ли кетчикэнцы эту «квоту». Опасаемся, что Уилфорд Грин в тщетном ожидании все еще сидит на столбе...

Маршалл, уходя в отставку, думал, как мы видим, не о быстром достижении перемирия в Корее. Он думал о совершенно противоположном. О том же — о продолжении войны — думают и нынешний министр обороны Ловетт и прочие заправилы государственного аппарата США. И потому в наступление на простого американца брошены крупные силы.

«Донорская горячка» началась в США не с упомянутого выступления Джорджа Маршалла. Еще в первые месяцы войны в Корее американский Красный крест развернул кампанию привлечения доноров. Но вот беда! Простые люди Америки не проявили желания жертвовать кровью ради продолжения империалистического разбоя в Корее. Что делать? Как быть?

Вот тогда-то Пентагон прибег к настоящему вымогательству: сдача крови была объявлена непременным долгом каждого американца. Вот тогда-то Маршалл и высшие генералы стали выступать с истошными призывами к гражданам, требуя крови во что бы то ни стало. Вот тогда и были введены в бой крупные силы. «Донорская горячка» приобрела накал...

Кампанией оказался охвачен и секретариат Организации Объединенных Наций. Если янки прикрывают свою агрессию в Корее флагом Организации Объединенных Наций, то почему бы не втянуть в «охоту за кровью» Трюгве Ли и его подручных?

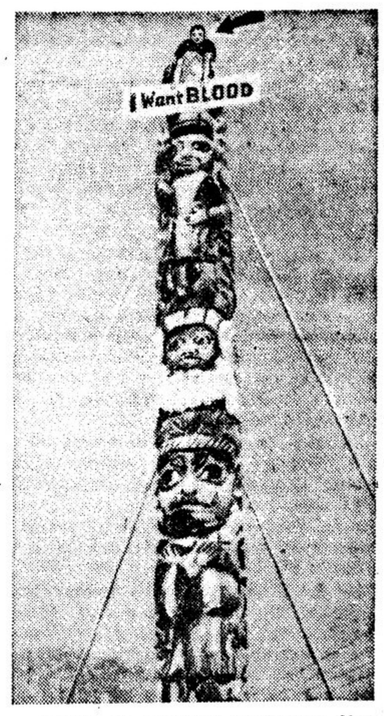
Помощник генерального секретаря, американский подданный Эндрю Кордье «показал пример», сдав полную пинту крови. В нью-йоркской газете «Дейли ньюс» была помещена фотография этого «международного чиновника» в момент, когда сотрудница Красного креста измеряет ему давление крови. Картинка достопримечательная: руководящий деятель аппарата международной организации, душу, тело и кровь отдающий служению разбойничьему американскому империализму!

«Побольше бы таких примеров!» — мечтали на Уолл-стрите. Чем глубже увязала американская военная машина в Корее, тем шире разворачивалась «охота за кровью». Но увы! «Таких примеров» становилось все меньше и меньше.

Жертвами корейской авантюры явились не только солдаты и офицеры вооруженных сил США; война больно ударила по простым людям, трудящимся Америки. Средний американец, которому теперь приходится все туже затягивать пояс, отказывается расставаться с «тремя пинтами» своей крови.

«Выполнение программы сбора крови под угрозой, — била тревогу минувшим летом газета «Нью-Йорк таймс». — Если в мае жители Нью-Йорка дали 18.138 пинт, то в июле эта цифра снизилась до 9.555...»

Тщетно другая газета, «Нью-Йорк джорнэл энд Американ», печатала на своих столбцах меню кушаний с высоким содержанием железа и протеина, которыми рекомендуется питаться донорам. Рядового американца, ломающего каждый день голову над проблемой прокормления семьи, трудно склонить на исполнение «непременного долга». Он слышит истерические выкрики Маршалла и прочих кровососов, но на донорский пункт не идет.



Столб, на который взобрался Уилфорд Грин с плакатом «Я хочу крови».

Снимок из американской газеты «Нью-Йорк джорнэл энд Американ».

Цифры сбора продолжали неуклонно снижаться. В поисках крови взялись даже... за монахинь. Как сообщила в октябре «Нью-Йорк таймс», 502 католические монахини нью-йоркской епархии, по призыву кардинала Спеллмана, дали по пинте крови. Это вызвало просто ликование! «502 пинты за один день», — гласил торжествующий заголовок в газете...

Шумная, назойливая, бесцеремонная «охота за кровью» до предела осточертела американцам. Символический итог этой кампании подвел реакционный американский журнал «Саттердей эвнинг пост». В передовой статье, помещенной в одном из номеров конца прошлого года, читаем:

«Со всех концов США поступают сообщения, что с выполнением программы сбора Красным крестом крови у населения дело обстоит плохо. Снабжение фронта в Корее, так же, как создание запасов крови на случай еще более острой необходимости, могущей возникнуть в будущем, поставлены под самую настоящую угрозу. Причина этого отставания, как считает большинство наблюдателей, заключается в том, что американский народ устал от войны в Корее, что в нем существуют разногласия насчет политики нашей страны, которая, по мнению многих, стремится все время сохранять международное положение неурегулированным. Слишком многие у нас обнаруживают отсутствие понимания серьезности положения и готовности приносить жертвы, характерных для американцев во время прошлых войн...»

Правильные строчки! Американцы сознают, что война в Корее—несправедливая война. Американцы не хотят, чтобы их сыновья истекали кровью в этой бессмысленной бойне, не хотят истекать кровью сами. Они—за прекращение войны, они—за мир.

...Мистер Уилфорд Грин, взобравшийся на тотемический столб с плакатом: «Я хочу крови», был, разумеется, тотчас же сфотографирован газетными репортерами. И вот столб с кровожадным лозунгом наверху глядит со страниц американской печати, как прижизненный памятник, который воздвигли себе современные американские варвары...

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ФРАНЦИИ ПОД УГРОЗОЙ ФАШИЗАЦИИ

Н. САДОВСКИЙ

Французские правители, давно зарекомендовавшие себя вернейшими вассалами Уолл-стрита, рабски следуют указаниям своих заатлантических боссов. Они обещали своим хозяевам создать к 1954 году 45 новых дивизий и довести в ближайшее время сумму военных расходов до чудовищных размеров — 5.000 миллиардов франков в год.

При таких непомерных расходах на подготовку войны, естественно, мало что остается на мирные нужды, в том числе на образование.

Во Франции всего 137 тысяч студентов. Но французские империалисты и это ничтожное количество всячески стараются уменьшить, чтобы даже жалкие крохи, отнятые у студентов, переключить на военный бюджет. Как сообщает журнал «Кайе дю коммюнисм», из 137 тысяч студентов едва 10 тысяч получают мизерную стипендию в 60 тыс. франков в год. У нас только в Московском университете из 11 тысяч студентов — 9 977 стипендиатов.

Французским студентам годовой стипендии с трудом хватает на два месяца. При этом никакой жилплощади высшие учебные заведения им не предоставляют. Студентам приходится платить по 6—7 тысяч франков в месяц за квартиру.

Такие условия приводят к массовому отсеву учащихся высших школ. Так, летом прошлого года не были допущены к экзаменам 50 процентов студентов медицинского и юридического и 75 процентов студентов факультета гуманитарных наук Парижского университета.

Чудовищный военный бюджет бьет не только по студентам, но и по преподавателям средних и высших учебных заведений. Как сообщает журнал «Кайе дю коммюнисм», по сравнению с 1914 годом заработная плата профессоров снизилась в два с лишним раза.

Профессора и преподаватели высших и средних технических и педагогических учебных заведений Франции с 11 сентября по 25 октября прошлого года провели единодушную забастовку протеста, известную под названием «стачки экзаминаторов». Бастовавшие отказались принимать осенние экзамены на звание баккалавров, лиценциатов и др. Они требовали увеличения заработной платы и соблюдения статута работников государственных учреждений, выработанного Морисом Торезом в его бытность министром.

Правительство пыталось сломить забастовку. Однако на призыв властей откликнулась лишь жалкая кучка профессоров-реакционеров. Даже консервативные ученые присоединились к бастующим. Как писал бюллетень забастовочного комитета, к приему экзаменов, которые проводились под наблюдением полицейских, жандармов и контрразведки, были привлечены люди, не имеющие никакого отношения к высшей школе. Профессорам угрожали увольнением, но угрозы не испугали их. В знак протеста против репрессий правительства ушли в отставку деканы, их помощники, а также члены ученого совета двух факультетов университета в городе Бордо. Национальный союз студентов, а также работники магистратуры объявили о своей солидарности с профессорами.

Забастовка была поддержана широким общественным мнением. Даже высший совет по вопросам просвещения — нечто вроде коллегии министерства — заявил о незаконности действий министра просвещения. Правительство вынуждено было удовлетворить требования бастующих. Воодушевленные победой, работники высшей школы решили не распускать забастовочный комитет и поручили ему проследить за выполнением обещаний правительства.

Французское правительство все больше военизирует высшие учебные заведения. Оно буквально следует заветам пресловутого Эйзенхауэра, который в свою бытность ректором Колумбийского университета заявил студентам: «Теперь, когда я вместе с вами являюсь студентом, вы вместе со мной должны быть солдатами».

В высшие учебные заведения и в аспирантуру, по указанию бывшего министра просвещения правого социалиста Лапи, отбираются люди с реакционными политическими взглядами, наибольшее предпочтение отдается фашистским громилам — деголлевским молодчикам. Напротив, коммунистам всячески затрудняется поступление в высшие учебные заведения. Один из членов приемной комиссии в аспирантуру Парижского университета откровенно заявил, что коммунисты приниматься не будут. Особенно стараются не допустить коммунистов в Высшую школу администрации, которая готовит работников для государственного аппарата. Что это за школа, можно судить хотя бы по тому, что одним из ее заправил является идеологический главарь и «философ» деголлевцев Раймон Арон.

В высших учебных заведениях существует неприкрытая расовая дискриминация. Распущены «Ассоциация вьетнамских студентов» и «Союз марокканских студентов». За студентами — выходцами из колоний установлена полицейская слежка. Полиция наблюдает также за студентами Нормальных школ, в которых обучаются будущие учителя. Администрация Нормальной школы в Отей угрожала четырем студентам исключением из школы за то, что они подписали протест против колонизаторского «плана Шумана».

В особенности преследуются студенты Высшей Нормальной школы — наиболее активные борцы за мир в Латинском квартале. Недавно дисциплинарный совет вынес порицание ста студентам этой школы за то, что они требовали от Эйзенхауэра убираться восвояси. После того как 114 студентов подписали протест против «грязной войны» во Вьетнаме, реакционная администрация школы закрыла научные студенческие кружки.

По указанию министерства просвещения студентам высших учебных заведений под страхом исключения запрещено заниматься пропагандой мира.

Полиция непосредственно вмешивается в жизнь учебных заведений. Как сообщает журнал «Ля нувель критик», летом прошлого года в восьми городах Франции — Лилле, Нинце, Каннах, Руане и др. — экзамены на получение звания баккалавра проводились под наблюдением... полицейских.

Ученых, которые не хотят работать на войну, изгоняют из высших учебных заведений. Уволен из Сорбонны ученый-психолог с мировой известностью, коммунист Анри Валлон. После того, как по приказу американских империалистов был снят с поста верховного комиссара по атомной энергии знаменитый ученый коммунист Фредерик Жолио-Кюри, его место занял известный своими реакционными взглядами и раболепием перед американскими империалистами профессор Рокар. Будучи руководителем лаборатории физики в Высшей Нормальной школе, Рокар направил работы этой лаборатории на обслуживание заказов военно-морского флота и военной авиации. Он уволил из лаборатории всех прогрессивных сотрудников, которые протестовали против военизации. Рокар требовал, чтобы студенты подписали заявление о том, что они «не будут заниматься политикой». По его настоянию с 4-го курса этой школы за пропаганду дела мира был исключен студент коммунист.

Заодно с правительством выступают правые социалисты. На последнем съезде социалистической партии, по предложению Ле Бай, людоеда, который вместе с Рейно и другими настаивал на атомной и бактериологической войне против СССР, была принята резолюция с требованием уволить с работы учителей коммунистов.

Подчас правые социалисты выступают в роли заурядных полицейских осведомителей. Так, по доносу одного из главарей правых социалистов, профессора права Лионского университета Андре Филиппа, префект департамента Роны возбудил дело против преподавателя истории в лицее Дю Парк в Лионе — коммуниста Бувье. Бувье был обвинен в пропаганде марксизма-ленинизма среди учащихся.

Преподавание в высших учебных заведениях Франции перестраивается так, чтобы оно целиком отвечало целям подготовки новой мировой войны. Так, например, темы многих сочинений подчинены задаче обоснования «Атлантического блока» и «Западного союза». Будущим ученым рекомендуются еще и так называемые «чисто научные» темы, смысл которых сводится к тому, чтобы увести молодых людей от политики, действительности. Например, поступающим в философскую аспирантуру предлагается выполнить работу под таким названием: «Бергсон и Спиноза, встречаясь в стране чистых воспоминаний, ведут беседу о времени и вечности и о том, как должна рассматривать эти два понятия философия».

В своем письме в журнал «Ля нувель критик» группа студентов коммунистов философского отделения факультета гуманитарных наук Парижского университета пишет, что из курса исключены лекции о французских материалистах XVIII века, зато распространяются идеалистические концепции Беркли, Ж. де Местра, Бергсона, насаждается экзистенциализм, а в последнее время другая разновидность фашистской «философии» — неогегельянство.

Французские студенты борются с фашизацией высших учебных заведений. Несмотря на препятствия, чинимые реакционной администрацией высших учебных заведений, передовые студенты создают научные кружки, организуют научные конференции, слушают публичные лекции прогрессивных ученых, посещают организованные коммунистами вечерние школы.

Для желающих изучать марксистско-ленинскую теорию во Франции существует организованная коммунистической партией высшая школа марксизма-ленинизма — Новый университет, в котором выдающиеся деятели коммунистической партии Франции и известные ученые читают лекции по марксистско-ленинской философии и материалистической науке. Недавно университет открыл для студентов специальный филиал в Латинском квартале.

Вопреки отчаянным усилиям империалистической буржуазии и ее лакеев насадить реакционную идеологию в высших учебных заведениях, среди молодежи Франции торжествуют прогрессивные тенденции и все большую популярность приобретает теория марксизма-ленинизма.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б 00449.